

18+

СВЕТЛАНА ДАНИЛИНА

КОММЕНТАРИИ К ЧАСТНЫМ БЕСЕДАМ



Светлана Данилина

Комментарии к частным беседам

«Издательские решения»

Данилина С.

Комментарии к частным беседам / С. Данилина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-590995-4

В книге собраны 33 реалистично написанных рассказа, объединённых общими особенностями: занимательной подачей сюжета, неожиданной интригой, интересными психологическими портретами непохожих героев, оптимизмом, тонким юмором, обращениями к классической литературе, богатством языка.

ISBN 978-5-00-590995-4

© Данилина С.
© Издательские решения

Содержание

ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	12
СУДАК ИЗ ОСЕТРА	14
НА ОБЛОЖКЕ ГЛЯНЦЕВОГО ЖУРНАЛА	17
ЗАТЕЙНИК	21
ДЖЕНТЛЬМЕН МУРЧИК	25
КАРТИНА С БАЛЕРИНОЙ	29
ПОЛИГЛОТ	34
«ГАУДЕАМУС»	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Комментарии к частным беседам

Светлана Данилина

© Светлана Данилина, 2022

ISBN 978-5-0059-0995-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В книге «Комментарии к частным беседам» собраны 33 рассказа, объединённые общими особенностями: занимательной подачей сюжета, неожиданной интригой, интересными психологическими портретами непохожих героев, оптимизмом, тонким юмором, обращениями к классической литературе, богатством языка.

Основное внимание сосредоточено на создании психологических портретов главных героев, находящихся в обычных жизненных ситуациях. Это люди с яркими и непохожими друг на друга характерами, представители разных профессий, социальных слоёв, возрастных групп, с разным житейским опытом и отношением к жизни.

Рассказы написаны в реалистической манере.

Светлана Данилина – автор 8 книг: «Коллекция характеров», «Коллекция характеров. Sequel», «Всё та же коллекция», «Портреты, прелести, причуды», «Конференция», «Гуманитарная миссия», «Арт-галерея», «Комментарии к частным беседам».

Лауреат второй премии «Народный писатель» по выбору экспертов 2013 года (www.proza.ru).

Лауреат первой премии «Народный писатель» по выбору экспертов 2015 года (www.proza.ru).

Произведения Светланы Данилиной вошли в «Золотой фонд» премии.

Тексты пользуются большой популярностью у читателей и получают многочисленные отзывы.

Сайт: <http://svetlanadanilina.jimdo.com/>

Предисловие Нины Русановой

ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

www.proza.ru

Октябрь 2011 – октябрь 2022 года – 5452 рецензии

«Я читаю Вас, и мне хочется жить». *Юрий Давыдов*

«Светлана, Вы – Мастер!» *Ольга Широких*

«Обожаю Ваши рассказы! Словно какой-то сериал смотрю, только с разными героями...» *Марк Барташов*

«Как люблю я читать Ваши произведения ранним утром, в тишине спящего дома, наслаждаясь изящным энигматическим слогом, свойственным только Вам! Я уже привыкла к Вашей неординарной, завораживающей манере повествования. Как говорит молодёжь – подседа!))) Утром встаю с мыслью: „Надо бы у Светланы что-нибудь почитать“. ...Хлопая в ладоши, благодарю Вас!» *Маргарита Курникова*

«Светочка! Во всех Ваших рассказах Вы мастерски раскрываете характеры своих литературных героев. Читать – одно удовольствие!» *Маргарита Курникова*

«Книгу я Вашу прочла с огромным удовольствием. Как бы мне хотелось, чтобы некоторые произведения вошли в школьную программу по литературе. Дети должны читать и знать не только классиков, но и современных авторов». *Татьяна Зырянова-Кенцухе*

«Читаю Ваши рассказы всегда так, как будто вдыхаю полной грудью свежий воздух. Настолько они легки для восприятия: сочны, красочны, душевны. ...Радость читать Ваши произведения равнозначна прослушиванию замечательной классической музыки». *Татьяна Зырянова-Кенцухе*

«Пишите, Светочка, пожалуйста!» *Мария Селис*

«В Ваших произведениях такой сильнейший потенциал, который заряжает читателей мощной энергией. Пишу это искренне, от души, т. к. ощутила на себе (до мурашек, до бессонницы, до эйфории) всю силу прочитанного мною у Вас. Очень благодарна всем, кто поддерживает Ваше необыкновенное творчество... Я рада учиться у Вас чудесному слогу, Вашему искромётному юмору, Вашим рассуждениям, Вашему вдохновению, Вашему магнетизму. Вы для меня – Открытие и Космос!» *Татьяна Зырянова-Кенцухе*

«Какой чудный слог! Какой простой и грамотный язык!» *Николай Хребтов*

«Светлана, у Вас очень добротная, качественная проза. Да что это я творчество Ваше оцениваю, как какую-либо вещь. Оно очень близко к классической литературе. Бунин, Тургенев, Паустовский... Чистый русский язык, правильная сюжетная линия, есть интрига и всё-всё подчинено канонам правильного повествования. Читать Вас интересно. И наслаждаться хорошим русским языком». *Галина Козловская*

«Ваш рассказ потряс меня своим совершенством. Это действительно литература самой высокой пробы! Каждый раз замираю от восторга и удивления, читая Ваши талантливые рас-

сказы! Как Вам удаётся так точно, так романтично и волшебно описать обыденные семейные дела! Талант и мастерство удивительного и, не покривлю душой, гениального писателя! Это потрясающе! У меня такое чувство, что Вы, Светочка, родились с пером писателя в руках! С искренним восхищением и преклонением перед Вашим Божественным даром!» *Жанна Светлова*

«Нет. Не могу долго без классики. Вот почитал немножко из Вашего, и в мозгах „просветлело“!» *Сергей Пивоваренко*

«На вопрос: „Что почитать? Что-нибудь лёгкое, интересное, позитивное“ ответчу: „Светлана Данилина“». *Никита Доровских*

«Доброе утро, Светочка!!!!!!!:-) С огромным удовольствием прочитала ещё один рассказ! Ехала в метро, читала книгу (что, безусловно, гораздо приятнее). Несколько раз, как бы случайно, книжка «открывалась» там, где Вашей рукой мне написаны добрые слова. Замечала заинтересованные взгляды соседей по вагону! Так горжусь!!!!!!! :-))» *Варвара Соколовская*

«Не рассказ, а сплошное очарование, песня!» *Анна Войт*

«Светлана, Ваши рассказы удивительные, они, действительно, – своеобразная коллекция, которой и цены нет. Хороший литературный язык, читаешь и представляешь перед собой живую картинку, веришь каждой фразе. Ярко описаны характеры героев, их чувства. Казалось, пишете о всем известных явлениях и событиях, но настолько умело рассказываете о них, что повествование завораживает, увлекает. Хочется перечитывать рассказы, к тому же – они запоминаются». *Виталий Белоусов-Курск*

«Встречи с Вашим творчеством – это всегда праздник! Спасибо Вам огромное! Вы потрясающий психолог и литератор от Бога!»

«Здравствуйте, Светлана. Я снова к Вам с желанием почитать.)) Могу лишь сказать восторженное „Ах!“ Вашими же словами. Очень трогает, от иных строчек даже вздрагиваешь. До слёз порой доводят...» *Любовь Тарасова-Горина*

«Умеете же Вы, Света, заинтересовать своих читателей! Мне нравится Ваше замечательное творчество». *Татьяна Комиссарова*

«Низкий поклон, Светлана! Благодарю за спокойное повествование, от которого дрожит всё внутри и щемит душу... Есть, о чём подумать!» *Александр Алексеевич Кочевник*

«Вы, конечно, профессионал, и Ваш текст безупречен...» *Леонид Аронов*

«Поклон внимательному писателю-психологу...» *Людмила Межиньши*

«Профессионально написано, в русских классических традициях. Спасибо». *Светлана Борцова*

«Очень впечатлило, Светлана. Словно шкатулка, любовно вырезанная из дорогого дерева мастером». *Владимир Микин*

«Светлый и чистый рассказ, мастерски написанный... И правдивый... Славно, Светлана! Поздравляю! Образное владение словом, живое восприятие ситуации, природа... Читается с переживанием, проникновенно...» *Галина Константиновна Высоцкая*

«На таком простом материале выросла ладно срубленная история, живая и проникновенная! Чувствуешь себя в ней невидимым свидетелем, таковó ощущение присутствия. Это удаётся немногим. Помогают тому вливающиеся натуральным образом в контекст диалоги. Короткие фразы попеременно с паузами, два-три скупых мазка в описании окружающей природы усиливают правдоподобность и убеждают.

Спасибо, Светлана! Меньшего от Вас не ожидал, но планка всё выше и выше!» *Томас Памисес*

«Очень хорошо Вы написали рассказ: проникновенно, просто и душевно. Такой рассказ не забудешь». *Эльмира Пасько*

«Очень рассказ понравился! Какая Вы молодец, как тонко описываете природу, как понимаете человеческую душу! История очень показательная и трогательная! Предвкушаю, как буду смаковать другие рассказы». *Алекс Романович*

«Рассказ ПРЕКРАСНЫЙ, Светлана! С первых же строк цепляет, берёт нас за душу и не отпускает до самого конца!

Очень одухотворённо, душевно и патриотично написано! Как всё это близко и понятно каждому человеку!.. Просто до слёз, Света!..

Какая ЧИСТОТА и ДУХОВНОСТЬ в рассказе, настолько проникаешься сердцем к персонажам, что хочется вдыхать и испытывать эти эмоции снова и снова!..

Спасибо Вам огромное, милая Света, за соприкосновение с Вашим удивительным Творчеством, которое пробуждает исключительно добрые чувства! Как у Пушкина: «...и чувства добрые я лирой пробуждал...»)))» *Елена Львова-Мокеева*

«ОБАЛДЕННО!!! Спасибо, Вам!!!» *Лерра*

«Светлана! Спасибо за рассказ! Трогает душу до слёз! Всё верно, всё так». *Евгения Евтушенко*

«Хорошая, настоящая профессиональная работа. Вы прекрасно рисуете буквами, а ощущаешь зной, запахи, настроения, яркость солнца... Очень ёмкий рассказ с послевкусием!» *Neivanov*

«Даже и не знаю, как благодарить Вас за доставленное удовольствие. Не читала, а смаковала я Ваш рассказ, наполненный изумительными образами, яркими и сочными метафорами». *Маргарита Курникова*

«За чтением Ваших рассказов, Светлана, буквально отдыхаешь. Отстраняешься от всей окружающей действительности и погружаешься в атмосферу Ваших героев. Профессиональное построение текста, где нет ни одной лишней детали и в то же время охвачено всё самое важное, подкреплено тонкой иронией и юмором. Вы способны передать ТАКИЕ мелочи, КОТОРЫЕ метко, одной фразой, выражают глубину характеров героев или их отношений». *Νικόλαος Ανδρικήνης*

«Точно, кино и немцы)))) Зачиталась.))» *Ксения Штефан*

«Светлана, с удовольствием прослушал „Книжный вторник“ с Вашим рассказом на Рижском радио. Получил удовольствие, честное слово! Рекомендую всем Вашим читателям».

«Светлана, с удовольствием прочла рассказ! Слов нет, как написано! Живо, интересно, с юмором! Образы яркие, колоритные, словно сама всё увидела своими глазами, окунувшись в атмосферу, прочувствовала его на себе».

«Много цепких деталей – улада глазу!» *Миша Леонов-Салехардский*

«Спасибо, Света! Когда читаешь Ваши рассказы, неизменно погружаешься в них, как в параллельную реальность)) Очень здорово!))»

«Увлёкся я Вашими рассказами! Того гляди, со службы меня попрут...» *Леонид Курохта*

«Замечательный рассказ! Характеры Ваших героев так хорошо прописаны, сразу представляешь их во всей красе. Отлично, спасибо!» *Анна Кучинская*

«Бальзам для души! Спасибо за увлекательную историю, яркий, колоритный язык. Рада знакомству с Вашим творчеством». *Ольга Клокова*

«Светлана, Вы замечательная рассказчица со своим индивидуальным стилем. У Вас всегда есть изюминка, и Вы здорово подмечаете и высвечиваете детали. Даже неприметные мелочи становятся значительными...» *Ирина Борунова-Кукушкина*

«Шикарная история. Талантливо пишете. Хочется читать ещё». *Игорь Лютый*

«Возвращалась несколько раз, читала, смакуя... Ваши характеры и типичны, и индивидуальны одновременно, а то мастерство, с которым Вы их преподнесите, а также язык и лёгкая авторская ироничность делают читателя (по крайней мере, меня) как бы стоящим рядом с автором наблюдателем событий повествования. Наверное, можно было бы ещё немало сказать одобрительного по поводу Вашего творчества, но это – дело профессионалов. Я лишь благодарный читатель». *Татьяна Тэн*

«Ой, как понравился рассказ! И все герои – не чужие, свои стали, описанные талантливым автором! Светлана, благодарю за встречу с Вами!» *Анна Шаф*

«Написано гениально! Такое впечатление, что каждую минуту жизни героя автор провёл вместе с ним. Спасибо, Светлана! Вы – потрясающий писатель! Я искренне восхищена Вашим талантом». *Маргарита Курникова*

«Прочитал с большой эйфорией и кайфорией)). Блистательный рассказ...» *Евгений Говсиевич*

«Очень... полнокровно, Светлана!» *Александр Скрыпник*

«Не листал. Не проглядывал. А читал вдумчиво-вдумчиво! Много мыслей пробежало, пока читал... Получил огромное удовольствие! Спасибо Вам!» *Степан Юрский*

«Восхитил Ваш талант рассказчика! Чудесно!» *Степан Юрский*

«Меня всегда поражало, как можно из совершенно обыденной ситуации сделать Событие. Когда фантастика, героика, приключения – это всё понятно. А вот когда так просто, ну жизнь обыкновенная, ну подумаешь – секретарша поменялась? А получается – Событие, Литература...» *Татьяна Танасийчук*

«Светлана! С уважением отношусь к литераторам-профессионалам. Читаю, чтобы почувствовать вкус настоящей прозы...». *Георгий Кончаков*

«Реализм Вашей прозы, милая Светлана, такой горько-пронзительный и... светлый». *Светлана Казакова Саблина*

«Спасибо за яркую современную прозу! Приятно осознавать, что хотя бы иногда народ и творческие деятели бывают единомышленны в выборе Народного писателя». *Алесис Андромеда*

«Прочитала это Ваше замечательное произведение ещё неделю назад, но пишу только сейчас. Оно у меня в голове вылёживалось. ...если я, прочитав что-то, это что-то не могу выбросить из головы, значит, это что-то – стоящее, а потому села Вам писать про то, что оно стоящее. Здорово! Вы вполне заслуженно получили награду!» *Марина Кривоносова*

«Филигранная работа. Заметно, что всё отработывалось до мелочи...» *Глеб Диков*

«Получила огромное удовольствие от прочтения.))) Вы не только филолог, но и отличный психолог! Цепляет с первых фраз, и уже не оторвёшься, пока не дочитаешь». *Калерия Кузьмина*

«Шикарный текст!» *Лёма Ибрагимов*

«Пишете Вы лаконично, рельефно, красиво и точно. Лауреатом премии „Народный писатель“ Вы стали заслуженно». *Ваш Фас*

«Светлана! Искренне поздравляю с лауреатством, присуждённым профессионалами. Горжусь, что живу с Вами в одной точке на шестой части всей земной суши, откуда и выбирали лауреатов». *Владмир Пантелеев*

«Начала читать и не смогла оторваться! Очень убедительно и интересно написано! Рада знакомству с Вами!» *Елена Петрова-Гельнер*

«Рассказ восхитителен!» Очень понравилось. Удачи в творчестве!» *Александр Михельман*

«У Вас очень чистая и глубокая классическая проза. И Вы хорошо держите интригу – а это один из главных критериев настоящего таланта. Поздравляю!» *Галина Кириллова*

«Получил большое удовольствие от прочитанного! Спасибо!» *Владимир Хвостов*

«Понравилось! Да, Вы – хороший писатель!» *Ольга Не*

«Впечатляет. Подано очень талантливо. Прочитал единым духом!» *Виталий Бабкин*

«Не знаю, есть ли в природе и можно ли применить к Вашему рассказу выражение „эстетически-притягательный“, но именно эти чувства я испытала». *Гриценко Наталия*

«Интересно Вас читать, Светлана. Понимаешь, что фантазия, но почему-то веришь. Это ли не признак настоящего мастера?» *Галина Петренко*

«Читала Ваш замечательный рассказ сегодня утром с телефона. Специально зашла на комп, чтобы сказать, как мне понравилось то, что Вы пишете. Впечатлило! Спасибо!» *Нина Роженко Верба*

«Очень хороший рассказ, спокойный, достойный, мастерски написан. Я всегда радуюсь, встретив такую доброту и мягкий юмор». *Таня Фетисова*

«Светлана! Очень остроумный и тонко рассчитанный рассказ. Особенно хороша неожиданная концовка. Просто „изюминка“, и природа – к месту, очень гармонирует с повествованием. Утончённая психология. Как Вы этому научились, если не секрет?! В общем, получил наслаждение, как от хорошего бокала марочного крымского вина, только не крепкого и не красного, а белого и очень лёгкого. Спасибо!» *Александр Зинковский*

«Очень понравилось, читала залпом!» *Катерина Аистина*

«Пишете просто о простом, но так увлекательно». *Владимир Шаповал*

«Спасибо Вам огромное. Получила удовольствие от Вашего глубоко психологического рассказа. Искренне переживала за Ваших героев...» *Ирина Некрасова*

«Светлана! Получил удовольствие. Всё. Больше ничего говорить не хочу. Спасибо!» *Владимир Жестков*

«Очень сильно написано!» *Сергей Вельяминов*

«Кинематографичный рассказ. Так и просится в сценарий и кинокартину. Спасибо, Светлана!» *Владимир Эйсер*

«И снова восхищён». *Александр Михайлов*

ПРЕДИСЛОВИЕ

...И таких маленьких, но поразительных мелочей я мог бы привести сотни... Все мы проходим мимо этих характерных мелочей равнодушно, как слепые, точно не видя, что они валяются у нас под ногами. А придёт художник, и разглядит, и подберёт. И вдруг так умело повернёт на солнце крошечный кусочек жизни, что все мы ахнем. «Ах, боже мой! Да ведь это я сам – сам! – лично видел. Только мне просто не пришло в голову обратить на это пристального внимания»...

А. И. Куприн

Случалось ли вам видеть воплощение мечты?

Мечты – вашей собственной, но претворённой в жизнь кем-то другим, причём лучше, – полнее и совершеннее, – чем это могли бы сделать вы сами?

Мечты, воплощённой *мастерски*.

Для меня таким воплощением задумки о некоей *галерее образов, персонажей* стало неожиданное и чрезвычайно обогащающее знакомство с прозой Светланы Данилиной, выпустившей к моменту нашей встречи уже два сборника рассказов и повестей: «Коллекция характеров» и «Коллекция характеров. Sequel». Немногим позже мне посчастливилось стать одним из первых читателей других её книг – «Всё та же коллекция», «Портреты, прелести, причуды», «Конференция», «Гуманитарная миссия», «Арт-галерея» и «Комментарии к частным беседам».

Филолог, журналист и редактор, прозаик, лауреат сетевой премии «Народный писатель» 2013 и 2015 годов в номинации «Выбор экспертов», неоднократный финалист премии «Писатель года», член коллегии экспертов премии «Народный писатель – 2016», дипломант премии «Наследие – 2017», знаток и тонкий ценитель мировой и русской литературы, как современной, так и классической, Светлана Данилина является продолжателем лучших традиций последней. Все её произведения написаны в классической манере, великолепным русским языком.

Автор предстаёт перед нами как истинный художник слова, на полотнах которого нет ни одной лишней детали, чьи работы не перегружены, не тяжелы для восприятия: все краски в них свежие и яркие, все тона и оттенки светлые, лёгкие, тёплые. Всё необычайно живо, *по-настоящему*. Все произведения глубоко психологичны – герои и ситуации, в которые они попадают, *узнаваемы*.

В прозе Светланы мы не найдём каких-либо конкретных, *срисованных* с действительности персонажей, – все образы собирательные. Однако, погружаясь в атмосферу любого из произведений, читатель начинает *припоминать*: *да-да, так и было!*.. Каким-то чудом автору удаётся извлечь воспоминания о людях и событиях не только из своей творческой копилки, но и из копилки памяти читающего. Это делает прозу Светланы Данилиной необыкновенно близкой широкому кругу читателей.

Нет в её работах и откровенных шаржей или карикатур. Автор не ставит перед собой целей «обличать» и «бичевать». Писатель – художник слова, *мастер*, который просто делает своё дело: *пишет*. Описывает, выписывает – тщательно, правдиво, но в то же время незлобливо, что в наш век уже само по себе редкость.

Лаконичность повествования и неожиданная развязка, узнаваемость персонажей, добродушный юмор и сочувствие героям сближает работы Светланы с короткими рассказами А. П. Чехова раннего периода творчества. Таковы её рассказы «Кошелёк», «Чудодейственное средство», «Ода бетономешалке», «Умытое утро», «Призма, вписанная в сферу», «Пар из-под крышки», «Бегство от монитора», «Зимние забавы», «Днём с огнём», а также вошедшие в настоящий сборник «Судак из Осетра», «Затейник», «Стажёр», «За зайцами, или Привет Хейли», «Сюрпризы позднего ноября».

Любование людьми и природой, наличие «жанровых сценок», глубокая и искренняя народность произведений делает их близкими творчеству Н. В. Гоголя в ранний его период. Это такие рассказы как «Фольклорная практика», «Первый закон Ньютона», «Морской пейзаж», «На родину», «Гуманитарная миссия», «Свет с небес», «Любимка».

Некоторые сюжеты Светланы напрямую отсылают к тому или иному шедевру мировой литературы, ведут с ним своеобразный диалог, тем самым приближая и открывая нам классику с новой, подчас неожиданной стороны, а также приглашая нас по-новому взглянуть на современность. Таковы её «Мечта цвета неба», «Аллюзии, или Воспоминания о миргородском гусаке», «Поэтические пародии», «Загадка псевдонима».

Проза Светланы Данилиной – это богатство живописных приёмов и великолепное ими владение, это ясность мысли и безукоризненная чистота языка. Знакомство с очередной книгой талантливого автора подобно глотку свежего воздуха, а погружение в чтение дарит отдых душе. Все работы Светланы способны порадовать слух и глаз самого искущённого и взыскательного читателя, критика; а собрата по перу ещё и вдохновить на дальнейшее творчество.

«Комментарии к частным беседам» – так называется этот, восьмой по счёту, сборник, который мне выпала честь здесь представить. Всего в книгу вошли 33 рассказа.

Окунитесь в чтение, погрузитесь в него – и, быть может, вы узнаете себя или кого-то из близких... Ну, или не очень близких знакомых. Поверьте, в этом тоже есть своя, особая прелесть! Ведь всё выписано автором-живописцем не просто искусно, а с большой любовью, – и не только к русскому языку и литературе, но – и это прежде всего! – к человеку.

Нина Русанова

Филолог, переводчик, поэт, член Российского союза писателей

СУДАК ИЗ ОСЕТРА

По обочине пыльной дороги, струящейся желтоватым потоком вдоль берёзовой роши, бежит мальчик лет двенадцати.

За спиной у него – перекинутая через плечо бамбуковая удочка с болтающимся и подпрыгивающим в такт движениям алым поплавком. В кулаке у мальчика зажат выдавший виды садок с несколькими небольшими рыбёшками – плотвой и уклейками. А ещё он держит палку с нанизанным на неё большим судаком. Мальчик торопится и тяжело дышит. Ему бы остановиться и немного отдохнуть, но он не делает себе поблажки, потому что очень спешит. Лоб его покрыт испариной. Рубашка на спине между лопатками украшена большим расплывшимся мокрым пятном.

От места, где он рыбачил, до деревни – около пары километров. И всё это расстояние он преодолевает то бегом, то скорым шагом.

Шурик встал рано утром и отправился на перекат реки. Несколько небольших плотвичек и пара-другая мелких уклек, конечно, обрадовали его. Но выуженный большой судак – невероятная удача, от которой дыхание сразу перехватило. Он сам верит и не верит в такой успех и хочет поделиться своей радостью и победой с целым миром.

Июньское полуденное солнце печёт ему в спину и плечи. Из кармана засученных до колена спортивных штанов торчит белая кепка козырьком наружу. Светлые волосы давно стали мокрыми от пота.

Шурика подгоняют одна мысль и одно стремление поскорей добежать, и он буквально дрожит от нетерпения – так ему хочется с кем-нибудь поделиться своим успехом и похвастаться добычей. Но рассказать и показать её пока некому. Дорога пустынна.

Две плотно накатанные грузовиками колеи ведут его мимо раскинувшегося слева желтого ржаного поля с синими васильками вдоль обочины. За огромным – в полмира – полем – панорамный вид на необъятное пространство с обласканным солнцем далёкими полями и лесами – до самого далёкого горизонта. Справа – берёзовая роща, хранящая свежесть и прохладу среди белых стволов. Тень падает на половину дороги, по которой и мчится вприпрыжку Шурик.

Вот он миновал широкую опушку, про которую всегда рассказывают, что когда-то, наверное, ещё в прошлом веке, на ней под берёзой в такой же жаркий день невзначай прикорнул пастух. И уснул так крепко, что не заметил, как коровы ушли. Но хуже того – пока он спал, в его приоткрытый рот заползла змея. Каким-то образом пастуху удалось освободиться от неё и спастись. История древняя, передаётся из уст в уста много лет, и каждый раз всякий проходящий мимо опушки вспоминает её.

Во-он под той толстой берёзой недалеко от орехового куста Шурик позавчера нашёл вот такой большой крепкий подъяблонник с тёмно-коричневой шляпкой, на бордовой ножке.

Над ухом у Шурика время от времени раздаётся противное навязчивое жужжание пытающихся атаковать его мух, оводов, пчёл и шмелей, от которых он отбивается, как может, – и занятыми поклажей руками, и мотая головой.

Но вот впереди уже виднеется деревня, и Шурик, стараясь сбавить обороты и душащее его волнение, по мере приближения к домам меняет аллюр и переходит на степенную походку добытчика.

Возле первого дома на лавочке в тени высокого старого вяза сидят дед Василий и баба Маня.

– Здравствуйте, – приветствует их и останавливается мальчик.

В глазах его – ожидание вопросов.

– А-а-а! Шурик! Ну, здравствуй! – приветствуют его старики.

Шурик не может дождаться вопросов от собеседников и начинает сам:

– А я с рыбалки! – гордо говорит он и поднимает повыше палку с тяжёлым бело-серым судаком.

– Ух ты! Да ты молодец, парень! На Осетре был? – одобрительно хвалит его дед Василий и конкретизирует место. – На Широком поймал?

– На Широ-оком, – по-деловому отвечает Шурик.

– Ты глянь, бабка! – разглядывает рыбу дед Василий. – Да тут килограмма на три!

– На четыре, – со значимыми интонациями поправляет его Шурик.

– Или на четыре, – повторяет и раздумчиво качает головой дед Василий.

– Дядь Вась, дай попить, пожалуйста, а то пока шёл, запыхался, – просит Шурик.

Дед Василий встаёт с лавочки и вскоре скрывается в доме.

Баба Маня тем временем достаёт из кармана своей длинной чёрной ситцевой юбки красный носовой платок и, положив его на колени, разворачивает. На свет появляется тонкая металлическая коробочка. Баба Маня осторожно приоткрывает крышку, внутри коробочки у неё хранится табак – светло-зеленоватый порошок. Она аккуратно двумя пальцами достаёт щепотку, закрывает коробочку и осторожно привычным движением засовывает табак в ноздрю. Потом она заворачивает коробочку в красный платок и убирает в карман. Потом втягивает носом табак. И спустя некоторое время, прикрыв нос ладонью, тихонько тоненько чихает. Этот ритуал, повторяемый ею время от времени, знаком всем в мельчайших подробностях. В деревне нюхает табак несколько старушек. Речь идёт о семидесятих годах прошлого века. Теперь таких старушек в деревнях не найти.

– На что поймал-то? – спрашивает мальчика вернувшийся с кружкой воды дед Василий.

– На живца, – с благодарностью принимает в руки прохладную кружку Шурик и, делая большие глотки, пьёт.

Видно, что он очень устал и с наслаждением утоляет жажду. Опустошив кружку до дна, он от души говорит «спасибо» и солидным взрослым голосом добавляет:

– Ладно, пойду я, меня там бабушка дома ждёт.

– Иди-иди, милоч, – в тон ему подхватывает благой порыв баба Маня, – а то, конечно, бабушка заждалась.

Шурик идёт дальше по узкой тропинке, вьющейся между домами. Возле следующего дома он останавливается – по ступеням с крыльца только что спустился «взрослый» парень лет пятнадцати.

– Привет, Слав! – кричит Шурик и, услышав ответное приветствие, тотчас же просит:

– Дай воды попить, пожалуйста!

Слава идёт в дом и возвращается с такой же кружкой.

– Спасибо, – благодарит Шурик, – а то так пить хочется! Смотри, кого я поймал!

Он опять долго пьёт из кружки и любуется тем, как Слава внимательно разглядывает судака. Выпив всё, Шурик отвечает на приличествующие ситуации вопросы о наживке, месте рыбалки, длине и весе добычи и с гордым видом удаляется.

Возле следующего дома он видит надувающего шину велосипеда своего друга Колю.

– Привет, Колюнь! – звонко кричит он, демонстративно держа палку с судаком перед собой, на уровне груди. – Смотри, какой!

– Сам поймал? – для чего-то спрашивает Коля, хотя и так ясно, кто выловил судака.

– А кто же?! – восклицает Шурик и оценивает рыбу. – Прямо торпеда!

Колюня смотрит и начинает по-дружески восхищаться добычей.

Шурик комментирует и отмечает длину, заострённую морду и высокий ребристый плавник на спине рыбины.

Он горд и для вящего эффекта просит попить и у друга. Пьёт он без первоначального удовольствия. Не опорожнив до конца принесённую кружку, Шурик возвращает её Колуне и идёт по тропинке к следующему дому.

Но рядом со следующим домом никого не видно. Только нахохленная чёрная наседка с алым гребнем на голове озабоченно квохчет, подзывая едва оперившихся цыплят.

Не заметив зрителей, Шурик подходит к двери террасы, стучит и входит внутрь.

– Здравствуй, тётя Нюр! – говорит он и, особо не оригинальничая, просит попить воды.

По ходу дела он демонстрирует судака и докладывает, что поймал его на перекате реки на Широком. Через силу сделав два глотка, потому что пить ему уже совсем не хочется, Шурик рассказывает о том, что с утра пораньше один отправился на рыбалку и поймал плотву, уклейку и судака килограммов на пять.

Тётя Нюра ахает, участливо по-матерински хвалит Шурика и со словами «на тебе пирожка!» достаёт из прикрытого полотенцем блюда и суёт герою в руку горячий пирожок, недавно извлечённый из духовки.

– Спасибо, тётя Нюр! – благодарит её Шурик, с удовольствием откусывает пышущую жаром румяную корочку от заострённого кончика и, приоткрыв рот, с осторожностью пережёвывая её вместе с обжигающе-горячей капустой, уходит, притворив за собой дверь террасы.

Возле следующего дома сидят на расстеленном покрывале две девочки-малышки лет пяти и играют в куклы.

– Привет, девчонки! – кричит им Шурик. – Попить дадите?

И пока девочки, сверкая голубыми бантиками в косичках и проворными босыми пятками, вдвоём бегают за водой домой, он располагается на стоящей у куста сирени скамеечке и после возвращения обеих принимает от них эмалированную кружку с водой. Шурик делает пару маленьких глоточков, поскольку пить уже не в состоянии, и начинает немногословно, просто, но весомо рассказывать о своей добыче.

До его дома от края деревни домов двенадцать, и Шурик методично заходит в каждый. И в каждом он здоровается, просит попить воды, получает ожидаемую реакцию, восторженные взгляды и сообщает, что поймал вот этого судака.

Дойдя до своего дома, он опрометью бросается за сарай к туалету. Через несколько минут Шурик возвращается оттуда с довольным облегчённым видом и входит в дом.

– Бабушка! – кричит он. – Посмотри, кого я поймал!

– Касатик ты мой! – всплескивая руками и радуется бабушка, разглядывая улов. – Какой судак-то! Давай-ка покормлю тебя, а то голодный, наверное.

Тут входная дверь распахивается и на пороге появляются друзья – Толик и Генка.

– Здрасьте, баб Лен! – хором выпаливают они и воодушевлённо смотрят на длинного судака и на довольного рыбака, не выпускающего добычу из рук.

Шурик отвечает на сыплющиеся из их уст вопросы и чувствует себя на вершине счастья.

– Завтра утром вместе пойдём! – непрестанно повторяют они, разглядывая судака.

НА ОБЛОЖКЕ ГЛЯНЦЕВОГО ЖУРНАЛА

Инге Прынъ с благодарностью за сюжет

Ожидание журнала – дело долгое и утомительное.

Никто в редакции никогда не томится лишними волнениями. Потому что процесс уже давно запущен и близится к завершению.

За пару месяцев, пока готовился номер, всем всё уже основательно надоело. Статьи вычитаны-перевычитаны, тексты выверены-перевыверены, фотографии отсняты, иллюстрации расставлены, макет свёрстан, основательно исследован, компьютерные переносы поправлены, оплошности обнаружены и изничтожены, и макет со вздохами и напутствиями неделю назад отправлен в типографию.

Дело оставалось за малым. Сегодня готовый журнал должны были привезти. Но никак не везли.

С утра позвонили из типографии и сказали, что журнал не досушили, однако слёзно клялись, что досушат в ближайшее время. Потом упаковуют и привезут.

Казалось бы, ерунда.

Но типография находилась в сопредельном государстве – так сложилось, так устоялось. Это были старые рабочие связи.

Путь должен был занять около четырёх часов. Но (ещё одно но!) погода не благоприятствовала скоростным перемещениями по междугородним трассам. Обильно выпал мокрый снег, нахлобучив на мир огромную неподатливую и неподъёмную тяжёлую белую шапку. Дороги оказались нерасчищенными (а какими же ещё они должны были «неожиданно» оказаться в декабре!), и поездка затянулась.

Надо отметить, что в редакции в течение дня никто не вздыхал у окна и не глядел с тоской на безжалостно засыпаемую бесконечным снегопадом дорогу.

Задержка с доставкой никак не отразилась на привычном порядке работы.

Издатель собирался на запланированную встречу. А потому готовившая её секретарь громко вопрошала пространство:

– У кого-нибудь есть телефон мэрии?

В ответ звучало редакторское:

– У меня только мобильный мэра. Ничего?

– Да как-то чего, – отзывалось эхом.

Кто-то убежал на очередное интервью, кто-то, надев наушники, расшифровывал диктофонную запись, кто-то сосредоточенно сочинял и писал новый материал, кто-то вычитывал содеянное, кто-то верстал новую статью – всё в зависимости от исполняемых обязанностей. Словом, сотрудники занимались следующим номером. Обзвонившие клиентов рекламщики в паузе на досуге даже умудрялись раскладывать компьютерный пасьянс.

Однако к концу дня стало ясно, что всему коллективу журнала не дожидаться.

По традиции и негласной договорённости в офисе осталась секретарь, а все сотрудники, утомлённые событиями рабочего дня, ожиданием и вполне естественным и безжалостным к вечеру голодом, разошлись по домам.

В офисе осталась одна Инна – долг службы обязывал. Но, поскольку и она принимала активное участие в подготовке номера, то ей было интересно взглянуть на полученный продукт.

Первый взгляд на новый журнал – всегда особенный.

Это целый ритуал, когда упаковки в оберточной бумаге вносят в редакцию и оставляют огромной горой у стены – между входной дверью и кабинетом бухгалтера. Появление нового

детища всегда интересно. Коллективу хочется наконец увидеть его наяву, чтобы по-новому понять, что же такое произвели.

Все выползают кто из своих кабинетов, а кто из-за своих столов и в торжественной тишине, замерев, смотрят, как главный редактор ставит на стол первую упаковку и разрезает скотч, скрепляющий коричневую плотную бумагу.

В упаковке – 20 экземпляров – две плотно и аккуратно уложенные стопки, а в них – подряд по два номера – корешками налево и корешками направо, корешками налево и корешками направо – чтобы всё компактно разместилось, новенькие, «ещё тёплые», журналы.

При извлечении журналов из упаковки по офису легко и радостно распространяется запах типографской краски.

Издатель бережно достаёт первый номер, с любопытством оглядывает его и демонстрирует собравшимся, в глазах которых – желание заполучить и изучить плод своих усилий. После этого издатель удаляется в свой кабинет – знакомиться, читать и оценивать.

Затем сотрудники самостоятельно в порядке живой очереди извлекают следующие номера, и все, каждый со своим экземпляром, разбредаются по офису.

Начинаются рассматривание и вникание. Присутствующие изучают новый номер по-разному.

Но общее у всех есть. Сначала разглядывают обложки – первую и последнюю, потом вторую и третью. Затем каждый действует по своим правилам. Кто-то быстро перелистывает журнал – от обложки до обложки. Кто-то сразу неспешно – одну за другой – переворачивает страницы, обращая внимание только на картинки, подписи к ним и заголовки. Кто-то внимательно изучает и медленно детально читает содержание и каждую страницу.

Вкусы здесь разные. И причины тоже: кто-то договаривался с клиентами, кто-то писал, кто-то верстал, кто-то снимал, кто-то просто наблюдал за работой со стороны.

Но знакомство с первым номером – это всегда спорт. Ведь ни одно печатное издание не обходится без ляпов.

Поэтому первый просмотр всегда критичен, а первый взгляд придирчиво-оценочен. Как говорят в редакции, начинается выискивание блох. И каждый ищет то, что осталось незамеченным и упущенным общим замыленным коллективным глазом во время двух месяцев работы. При этом всегда где-то под потолком висит страх – ожидание столкновения с этой злосчастной неминуемой первой блохой.

Вот обнаруживается, что в типографии переборщили с синей краской, вот вдруг оказывается, что гора кофейных зёрен на коричневом фоне сильно затемнила обложку, чего не было заметно ни на фотографии, ни в макете на экране компьютера. Вот редакторский сюрприз – замечательная Инна, которая как-то поехала на интервью просто прогуляться вместе с журналистом и фотографом, была запечатлена и «поставлена» на обложку.

Вполне закономерно, что сразу выявить опечатки и недоразумения трудно. Но каждый, зная, что хоть какая-то оплошность обязательно есть и где-то спряталась, настойчиво ищет этот ляп, втайне надеясь, что всё обойдётся и ничего не обнаружится.

Несмотря на то, что номер зачитан выпускающими его людьми до дыр – сначала на уровне статей, а потом – макета. Но всё это происходило на экране компьютера и потом – в распечатанном виде – на листах формата А4. Однако живой натуральный продукт всегда вызывает особенные трепет и любопытство.

В офисе висит благоговейная тишина, пока пространство на оглашается с опаской ожидаемым обличительным: «А вот на 15 странице...»

Все суматошно открывают 15-ю страницу и начинают выискивать непорядок. Как правило, сразу не находят. Подозрительная несчастная заклеймённая пятнадцатая страница, на первый взгляд, выглядит вполне прилично.

И «пытливый следопыт», обнаруживший бомбу, объясняет, что во втором подзаголовке – вы только посмотрите! – поставили точку. А её там не должно быть. Это азбучная истина, но коварная жирная точка – вот она – стоит и издевательски-предательски улыбается.

Коллектив смотрит на злополучную крупную надпись, которая теперь резко бросается в глаза, недоумевает, сокрушается и вздыхает – да, просмотрели точку, точка просочилась на самое видное место.

Редактор журнала принципиально не читает готовую продукцию, чтобы не расстраиваться. Да и что там читать, ведь всё вызывает только оскомину! И зачем вдруг неожиданно найти – на свою голову – какое-нибудь недоразумение и огорчиться!

В этот день долгожданный журнал, в конце концов, привезли – очень поздно, когда на улице было темно и заснеженный таинственный голубоватый редакционный двор освещался парой фонарей. Инна ответила на телефонный звонок приехавшего экспедитора, нажала на кнопку и открыла дверь. Рабочие быстро занесли пачки, оставили их на привычном отведённом месте, подписали нужные бумаги и теньями удалились.

Инна осталась одна – вместе с кучей упаковок. Она взяла одну и поставила её на стол, на котором обычно происходило «вскрытие», потом специальным острым ножом разрежала скотч и бережно раздвинула в стороны листы коричневой упаковочной бумаги. В нос резко ударил запах свежей краски. Из стопки выглянула блестящая глянцевая первая обложка журнала.

Верхний свет в офисе Инна давно выключила, горела только настольная лампа на её столе. И в этом приглушённом почти интимном освещении она увидела картинку с красивой хорошо и профессионально сфотографированной изящной ярчайше-белой чашкой кофе и аппетитным пирожным на не менее изящном ярчайше-белом блюде с отсветами и заманчивыми бликами.

«Умеет Серёга еду снимать!» – подумала она.

Над чашкой кофе призывно поднималась едва заметная тончайшая струйка пара – видно было, что кофе горячий.

На нежнейшем светлом креме пирожного, контрастно венчавшем шоколадно-бисквитный корж, идиличной парочкой красовались две аппетитные ягоды – розовато-фуксийная с почти прозрачными зёрнышками малина и чёрная с голубовато-сизоватыми оттенками черника.

Над всем этим торжеством, таким эстетически-утончённым, таким радующим глаз, таким вкусным и привлекательным, было написано название статьи – гвоздя номера – «Это большое удовольствие в вашей жизни!»

Надо отметить, что журнал издавался на латышском языке. Поэтому надпись была (точнее, должна была быть) такой: *Tas ir liela bauda jūsu dzīvē!*

Да и кто бы сомневался! Чашка кофе с пирожным сейчас после долгого рабочего дня, когда уже давно пора было сесть за ужин, воспринималась на ура. Хотя непременно стала бы этим обещанным большим наслаждением и при любых других обстоятельствах.

Но не стала. Видимо, ещё при печатании текста статьи чей-то палец в спешке промахнулся и вместо буквы «u» в слове *bauda* («удовольствие») напечатал совсем другую букву – «l», и, соответственно, слово. Эффект получился громовым, потому что этот непослушный нескоординированный палец испортил всё, что можно было испортить и в картинке, и в журнале, и в желании к нему прикоснуться. Слово, бесцеремонно наляпанное им, было простым и незамысловатым – *balda*, что и на латышском, и на русском звучит одинаково и значит одно и то же, абсолютно не нуждаясь в переводе. В таком вызывающем и шокирующем виде заголовков статьи и оказался на первой обложке журнала, никем из выпускающих незамеченным.

Liela balda («большая балда») красовалась среди всего гастрономического великолепия и ехидно смотрела на мир, на читателя и на оторопевшую Инну прямо с красивой сияющей обложки.

«И что делать? – панически подумала Инна и тяжело опустилась на стул. Выхода она не нашла, а потому с мыслью «Пусть завтра редактор решает» оставила журнал на вскрытой пачке, включила сигнализацию, закрыла офис и отбыла домой, стараясь выбросить из головы масштаб проблемы.

Утром ничего не подозревающая редактор новоиспечённого журнала в приподнятом настроении и в предвкушении встречи с долгожданным «продуктом» по чистому белому снегу пришла на работу с коробкой пирожных в руках, дабы отпраздновать событие с обещанным «большим удовольствием». Надо ли говорить о её реакции на встречу с каверзной «большой балдой»?

Затем довольно быстро подтянулся весь коллектив.

«Ага!» – комментировала нажимавшая на кнопку Инна, впуская и встречая коллег, появившихся в дверях со словами: «Ну, что? Привезли?»

Она и уже немного отошедшая от первого шока редактор молча с кислыми улыбками кивали на лежавший на столе экземпляр, с которого лукаво и насмешливо ухмылялась вредная буква.

«Liela balda», – считали нужным громко прочитать особенно наблюдательные журналисты бросившиеся им в глаза слова и замирали от грубой и неприкрытой откровенности открытия. Но особо рассеянные не сразу замечали недоразумение. Поэтому им приходилось растолковывать, что к чему, и «тыкать носом» прямо в букву «l».

Эффект оказался потрясающим. Главное, что никто не понимал, как эпатажная «балда» могла оказаться на обложке.

Несмотря на неприятность, выпуск номера по традиции отметили чашкой кофе с замечательными пирожными.

– Ну что, коллеги? Поздравляю вас с новым журналом! Хочу отметить, что из всего коллектива заметила балду только половина, – начал вступительную речь издатель.

– Давайте её заклеим, что ли, – прозвучало в ответ.

– Нет! Оставим! – хохотали оптимисты.

Большая балда привнесла новые нотки в редакционные разговоры. Вопросы «Кто виноват?», «Что делать?» и «Как нам реорганизовать Рабкрин?» некоторое время пообсуждали. Но вполне понятно было, что виноваты все и ничего тут не поделаешь. Выход, конечно, нашёлся: заказали в типографии наклейки с очаровательной надписью liela bauda (большое наслаждение) и аккуратно заклеили ими lielu baldu (большую балду).

После чего журнал поставили на специальную полку на видном месте и занялись подготовкой следующего номера.

ЗАТЕЙНИК

Сессия в институте физкультуры.

Зачёт по анатомии и физиологии.

Учебная группа баскетболистов – юношей и девушек.

Они сидят на стульях в коридоре возле закрытой двери аудитории.

Надо сказать, что закрытые двери аудиторий всегда выглядят вызывающе и порождают самые неприятные чувства у тех, кто должен в них войти.

Душевного позыва к проникновению внутрь у ожидающих своего часа студентов, как правило, не наблюдается. А вот чувство долга, который надо немедленно выполнить, так и толкает к тому, чтобы войти. Ан нет! Двери закрыты, и неминуемый решительный шаг откладывается на неопределённое время, что вызывает нервотрёпку и ощущения беспомощности и покорности своенравной фортуне. А ожидание консервируется и тяготит.

– Десять минут, – в очередной раз взглянув на часы на руке, говорит долговязый староста.

Впрочем, все мученики учёбы отличаются высоким ростом.

– Что, не пришёл ещё? – подбегает к группке страждущих запоздавшая девушка Оля со спортивной сумкой на плече.

– Задерживаются! – поясняяще и уважительно выдыхает староста.

– А я вчера в общежитии спросила, как он, – делится с присутствующими Оля.

– Ну, и как? – сразу трое несчастных в унисон повторяют за ней страшное слово.

– Да по-всякому, – отвечает она.

– То есть? – с опаской конкретизирует староста.

– Говорят, затейник – смеётся всё время, – неопределённо отвечает Оля, сдувая длинную чёлку с глаз.

– Дебил, что ли? – весело, но настороженно спрашивает кто-то из толпы

– Нет, пошутить любит. В позапрошлом году всех завалил, а в прошлом – у целой группы сразу всё принял, – выкладывает информацию взмыленная Оля.

– Затейник! – комментирует форвард с перевязанной эластичным бинтом кистью.

– Кто-нибудь что-нибудь знает? – спрашивает староста, окидывая группу напряжённым взглядом.

– Мы, – гордо поднимает руку отдышавшаяся Оля. – Мы с Ирккой вчера учебник читали.

Сидящая рядом Ирка кивает головой и вздыхает.

– Какого цвета? – живо интересуется травмированный форвард.

– Ну, зелёный такой, – просвещает его Ирка.

– Тёмно-зелёный или светло-зелёный? – уточняет он.

– Такой грязно-тёмно-зелёный, – объясняет Ирка.

– А тебе зачем? – спрашивает любознательного форварда Оля.

– А вдруг спросит? Надо же знать, что сдаём! У меня знакомого один раз спросили, а он не знал. Так его сразу и завернули. Три раза потом пересдавал!

Все проникаются сочувствием. Восстановившая дыхание Оля три раза плюёт через плечо, наклоняется и стучит кулаком по деревянной ножке стула, на котором сидит Ирка.

– Тоже анатомию? – интересуется староста.

– Хуже! Логику на истфаке. У них там препод – вообще, зверь! – откликается форвард.

– Ещё неизвестно, что лучше, а что хуже – анатомия с физиологией или логика, – задумчиво произносит староста.

– Люди! А как препода зовут? – вдруг осеняет форварда.

– Глеб Яковлевич, – сообщает староста.

– А знаете, сколько костей в скелете? – интригующим тоном спрашивает подготовившаяся к экзамену Ирка.

– Ну? – перебрасывает ей мяч обратно защитница девичьей команды Лена.

– 205—207, – делится Ирка.

– А чё так? – удивляется форвард.

– Ну, индивидуально – у каждого по-своему! – доходчиво и авторитетно объясняет Ирка. – Проходили, между прочим.

– А мы на сборах были! – весело показывает забинтованную кисть форвард.

– Ты бы, Ирк, ещё что-нибудь рассказала народу, – просит староста.

– Ну что вам рассказать? – вглядывается в потолок Ирка, собираясь с мыслями.

– 32—34 кости – непарные, остальные – парные, – выкладывает она всплывшую в памяти информацию. – А в черепе их 23.

Однокашники смотрят на неё с большим уважением и тоскливой завистью.

– Завалит он нас всех! – мрачно пророчит форвард.

Но вот в конце коридора появляется интеллигентный старичок с аккуратной седенькой бородкой и с жёлтым портфелем в правой руке.

Группа прекращает разговоры об анатомии и смолкает.

Профессор подходит к аудитории.

Студенты почтительно здороваются и благоговейно смотрят сзади и сверху на его лысую макушку, пока он, повернувшись к ним спиной, возится с ключом.

Наконец, преподаватель распахивает дверь и входит в аудиторию первым.

– Прошу всех! – приглашает он группу.

Среди студентов-баскетболистов, которые сразу непроизвольно втягивают головы в плечи и начинают сутулиться, он выглядит, как низкорослый пигмей в буйных зарослях реликтовых гигантских секвой.

– Прошу прощения за опоздание, – церемонно говорит он. – Сейчас всё наверстаем! Садитесь ближе, готовьтесь!

«Хорошо, что все вместе, а не поодиночке», – думает форвард.

Что такое анатомия и физиология для студентов института физкультуры?

Нет, конечно, они должны иметь представление о мышцах и костях, а также о том, как всё это работает в организме.

Но они больше заняты тренировками. Часто уезжают на соревнования и пр. Поэтому предмета не знают.

Тем временем Глеб Яковлевич водружает на стол свой портфель, открывает его и медленно извлекает на всеобщее обозрение старую выдавшую виды допотопную картонную папку с выцветшими зелёными тесёмками.

После этого он перемещает портфель на стул, стоящий рядом, садится на соседний стул и начинает развязывать тесёмки.

Делает он это нарочито неторопливо. Узелок никак не поддаётся его неловким пальцам. Но, в конце концов, он под тяжёлыми взглядами присутствующих, справляется с ним. Затем Глеб Яковлевич раскрывает папку, и глазам отупевших от предвкушения студентов является большой белый конверт.

Глеб Яковлевич заглядывает внутрь.

Из него он вынимает стопку проштампованных билетов и начинает демонстративно неспешно раскладывать их на столе.

Создаётся впечатление, что он нарочно тянет резину, испытывая студенческое терпение.

Спортсмены не дышат и наблюдают, как Глеб Яковлевич, ни на кого не глядя, увлечённо растасовывает свой гранпасьянс, чередуя и меняя местами билеты.

Наконец, когда все бумажки разложены так, как это нужно Глебу Яковлевичу, он вскидывает глаза на окаменевшую аудиторию, не отводящую заворожённых взглядов от его манипуляций.

Обведя преувеличенно большими в стёклах очков очами замерших обречённых студентов, он опять обращается к папке и вытаскивает из неё стиснутые большой железной скрепкой листы бумаги формата А4. Потом он стаскивает тугую скрепку и, просмотрев убористо распечатанный текст на листах, аккуратно кладёт кипу бумаги в правый дальний угол стола.

Вслед за этим он принимается за перелистывание и просмотр журнала, заблаговременно угодливо положенного перед ним старостой.

Истомившиеся студенты мысленно пересчитывают значки «н», стоящие у фамилии каждого.

Пропусков у них много, что не сулит ничего хорошего при оценке их знаний и усердия. А последнего ни у кого не наблюдается. Все беспредельно легкомысленны, безалаберны и необязательны.

Глеб Яковлевич, отрывается от журнала и оценивающе, придирчиво и выматывающе долго сморит из-под очков на аудиторию.

– Баскетболисты, говорите? – спрашивает он и получает в ответ нестройное и почему-то виноватое «да».

– И баскетболистки? – раздумчиво изрекает он.

– Да, – хором откликается женская часть группы.

– Это хорошо, – говорит он.

Изморенным ожиданием девушкам становится плохо от тягостных предчувствий.

– Староста! – вдруг призывает Глеб Яковлевич. – А откройте-ка нам, милый друг, форточку! Что-то здесь очень душно.

Староста, как пружинистый болванчик, подскакивает со своего места, бросается к окну, легко достаёт высокую ручку форточки и раскрывает створку.

– Замечательно! – благодарит его Глеб Яковлевич. – А то вас здесь много, а воздуха мало.

Он берёт в руки опостылевшую всем стопку листов и, держа её у груди, опять по кругу оглядывает измученную и изнурённую ожиданием аудиторию.

Из-за его спины виден стоящий в углу у окна скелет, и создаётся впечатление, что он иронично поглядывает пустыми глазницами на студентов.

На его груди среди белых рёбер красуется ламинированный бейджик на красной ленточке. На бейджике крупными буквами напечатано имя Йорик, а рядом – фотографии черепа анфас и в профиль.

Глеб Яковлевич оглядывается на Йорика, сдвигает очки на кончик носа и окидывает учебное пособие долгим пристальным оценивающим взглядом.

– Что-то он у вас сегодня какой-то невесёлый! – констатирует профессор.

Обычно студенты к Йорику равнодушны и любят наряжать его. На 1 мая ему повязывают алую косыночку, на 8 марта прикрепляют к фалангам пальцев веточку мимозы, а на Новый год украшают его старые синтетические кости ёлочными шариками и блестящими гирляндами. Девушки иногда тренируются на нём в завязывании шарфиков и платочков разными новомодными хитроумными способами.

Обращение Глеба Яковлевича к бедному Йорику повергает аудиторию в прострацию.

В воздухе витают гадкие флюиды ожидания коллективного провала.

«Затейник!» – крутится в голове форварда характеристика, данная профессору предыдущими поколениями.

Глеб Яковлевич отрывает взгляд от несчастного, кажущегося с течением времени перепуганным и забитым Йорика и останавливает его на уже ненавидимой всеми пачке бумаги в своих руках.

Он вытягивает руки вперёд, перелистывает её, кладёт на стол, достаёт снизу последний лист и начинает сосредоточенно и с каким-то садистским смаком комкать.

Группа измочаленных студентов обречённо следит за его движениями, и каждый чувствует себя таким же хрупким листом бумаги формата А4, подвластным любому капризу и непредсказуемой скверной прихоти.

Ровный гладкий лист постепенно превращается в плотный основательно спрессованный комок.

– Ну что? Баскетболисты и баскетболистки! – с хитрой издёвкой, слабо и как-то сладко улыбаясь, вопрошает Глеб Яковлевич и взвешивает на ладони комок бумаги.

Экзаменуемым уже давно невыносимо тошно от актёрских выкрутасов.

Наконец, Глеб Яковлевич ухмыляется, издаёт воодушевлённое «ага!» и решительно, как будто только что придумал, озвучивает пришедшую ему на ум идею:

– Вот если попаду этим комком в форточку – всем зачёт автоматом поставлю! А не попаду – не обессудьте!

Он заносит правую руку для броска.

Побледневшие от неопределённости и непредсказуемости происходящего баскетболисты и баскетболистки затаиваются и в оцепенении безотрывно смотрят за рукой.

Глеб Яковлевич, не обращая внимания на заинтригованных зрителей, по-волейбольному заносит руку для замаха, медленно выпрямляет, выводя её вперёд, и сильно бросает бумажный комок в сторону форточки.

Приходилось ли ещё когда-нибудь спортсменам так внимательно, с замершими почти остановившимися сердцами, с перехваченным дыханием, следить за броском?

Траектория полёта комка бумаги в глазах каждого расщепляется на кадры – от дешёвого ничтожного результата зависит ближайшее будущее – стипендия, каникулы, отчисление и другое. В головах зрителей успевают промелькнуть целый ворох мыслей. Но главная – одна, настойчиво стучащая в висках: «Попадёт или не попадёт?»

В голове у форварда почему-то ни к селу ни к городу звучит неизвестно откуда появившаяся строчка из песни – «По танку вдарила болванка».

Скомканная бумажка, как будто подталкиваемая и поддерживаемая коллективной энергетикой, благополучно долетает до форточки и после своего фееричного полёта оказывается за окном – в зелени молодых трогательных и нежных берёзовых листочков на фоне молодого июньского светло-бирюзового неба.

– Ура! – облегчённо выдыхает группа.

Студенты произносят это слово полужёпотом, боясь привлечь внимание посторонних и подвести-подставить Глеба Яковлевича. Ещё бы – экзамен сопровождается стадионными криками! А вдруг у профессора будут неприятности?

– Что так тихо? – разочарованно спрашивает Глеб Яковлевич.

– Ура-а-а! – восторженно во всю мощь спортивных лёгких кричат баскетболисты и баскетболистки.

– Учитесь бросать! – резюмирует удовлетворённо улыбающийся Глеб Яковлевич. – Давайте зачётки!

Довольный хорошо разыгранной антрепризой, он начинает расписываться в зачётках пострадавших, но благодарных, пришедших в себя и наконец-то порозовевших студентов.

ДЖЕНТЛЬМЕН МУРЧИК

В предвечерних лучах закатного малинового солнца на деревянном пороге деревенского дома появляется выходящий из коридора огромный чёрный кот.

Он доволен и в то же время озабочен – спешит по неотложным делам, требующим его обязательного присутствия.

Без него всё пойдёт не так. Ибо он здесь царь и хозяин.

Мурчик – победитель среди соплеменников, он в деревне главный, потому что самый большой и сильный. И никто не смеет идти против него.

С тех пор, как пару лет назад его привезли из Москвы, где он с раннего детства вынужден был проводить всё время в квартире и выжидал только случая, чтобы выбежать в приоткрывшуюся дверь на лестничную площадку или посидеть на балконе, следя за наглыми воробьями, прыгающими по веткам и газонам, он обрёл наконец свободу.

Городская жизнь была невесела. Хотя полна любви, внимания и поклонения трепетно любящих его хозяек, и, что немаловажно, вкусной еды.

Но что такое сидеть одному в пустой квартире, ожидая возвращения людей с работы и учёбы?

Кот, по природе своей телепат, всегда знал, когда любимая хозяйка выходит из автобуса. Именно в этот момент он спрыгивал с дивана, стола, шкафа и т. д. и, твердя «ма-ма», шёл к входной двери. Интуиция никогда не подводила его.

– Что, мама приехала? – спрашивала его хозяйкина дочка, хотя и так знала, что Мурчик никогда не ошибается.

Кот ничего не отвечал (хотя иногда мог мяукнуть нечто вполне осмысленное в ответ), он просто садился на трюмо в коридоре, смотрел на дверь и ждал. И через десять минут раздавался заветный ожидаемый звонок.

Однажды весной, когда он был ещё подростком, Мурчика вынесли погулять на зелёную травку. Кот испугался и на полусогнутых лапах почти ползал среди залитой солнцем лужайки орехово-борисовских одуванчиков.

Но гулять ему очень понравилось. И впоследствии кот настойчиво стремился на улицу. А когда подрос, то принялся активно метить территорию. Хозяйкам приходилось всё время мыть и чистить, мыть и чистить. Но если бы только это – неблагодарный питомец нещадно драл обои и обивку диванов и кресел, игнорируя все приспособления для затачивания когтей. Даже запах лимона, которым, по рекомендациям знатоков, смазывали поверхности, не отпугивал его от любимого занятия.

А ещё кот любил перебираться на соседский балкон, где бесчинствовал по полной, отправляя естественные потребности в горшки с нежнейшими белыми и малиновыми петуниями. Его не удерживали даже выставленные барьеры. Бесстрашный и упрямый Мурчик перелезал по перилам к ни в чём неповинным соседям, передвигаясь и зависая на когтях, медленно и целеустремлённо, на уровне третьего этажа, над кустами сирени.

Перед добрыми и понимающими людьми за содеянное питомцем безобразие извинялись, балкон закрывали. Но при малейшем недосмотре Мурчик находил возможность прогуляться на соседскую территорию.

Дальше так продолжаться не могло, и кота решили взять с собой в отпуск в деревню. После почти шестилетнего заточения Мурчику на свободе очень понравилось. И ни о каком возвращении в столицу речи уже не шло.

Обретённая на новом месте деревенская вольница пришлась ему по вкусу. Летом он заходит в дом лишь для того, чтобы поесть. А всё время проводит на улице.

Свою обретенную территорию он обходит каждый день, следя за порядком и утверждая собственное право первенства.

Это право очевидно. Мурчика уважают и побаиваются все окрестные коты, собаки, а заодно и коровы. И когда вечером уставшее стадо возвращается домой по тёплой пыльной дороге, только Мурчик осмеливается переходить им путь, не обращая никакого внимания на утомлённых долгим днём, проведённым на лугу, рогатых красавиц. Медленно поводя головами, пахнущие тёплым молоком коровы уважительно приостанавливаются и расступаются, пропуская его, излучающего чувство самоуверенности и собственного достоинства.

Лишь Мурка, бывшая до появления нежданного московского гостя, единственной хозяйкой латифундии, позволяет себе неуважительное и пренебрежительное отношение к Мурчику.

В своё время её поставили перед фактом – привезли конкурента. И ей некуда было деваться – пришлось смириться и уживаться с соседом.

В глубине души Мурка не любит заезжего кота.

Ей пришлось долго и настойчиво сражаться с ним из-за своего сыночка Пуси-Пусечки. К моменту появления чёрного великана Пуся-Пусечка был уже взрослым полуторогодовалым котом, сохранившим своё детское имя. Вырос он в настоящей оранжерее, где все его любили и баловали, так что был прекраснородушным и изнеженным, повзрослевшим и наивным. Естественно, Мурчик сразу принялся прогонять более слабого собрата. А Мурка – защищать взрослого ребёнка. Хозяева тоже защищали любимого Пусю-Пусечку, насколько хватало их сил и фантазии. Но ничто нельзя переменить в жестоких законах джунглей. И Мурчик, прогоняя, нещадно набрасывался на идущего к дому или от дома Пусю-Пусечку.

Однако Мурка дралась с Мурчиком как могла – со всем отчаянием, свирепостью и злостью, на которые только способна разъярённая кошка. Но Мурчик вступал в схватки с ней чисто условно и формально – отбивал атаки, не нападая. А Мурка спасала сыночка, утверждала право Пуси-Пусечки на пребывание в доме. Года два вместе с хозяевами ей удавалось как-то это право отстаивать. Но жестокие схватки с Мурчиком заставили самого Пусю-Пусечку смириться и уйти. А Мурка осталась. Неприязнь к оккупанту и захватчику поселилась в её душе навсегда. Поэтому она всегда ложится на дорожку, по которой должен пройти Мурчик, и больно бьёт лапами следующего мимо неё чёрного зеленоглазого красавца. Методично отмечает, что она всё помнит и никогда не простит. А заодно и то, что изначально это её территория, а некоторые всего лишь «понаехали тут».

Красавец же относится к ней по-джентльменски: никогда не отвечает на агрессивные выпады и опасно уважает.

Впрочем, со временем Мурке пришлось смириться с присутствием Мурчика. И поздней осенью, когда становится холодно, она может улечься рядом с ним у клумбы с отцветшими ромашками, которые специально не убирают. Мурка, словно приняв лозунг «стерпится – слюбится», пользуется Мурчиком, как грелкой, – он большой и горячий. И, свернувшись в два клубочка – чёрный и белый с серыми пятнышками, кошачьи любят полежать в серый сентябрьский день на приятно пахнущих цветах и погреться друг возле друга.

Мурка со всей настороженностью охраняет свою территорию от всех непрощенных четвероногих хвостатых пришельцев.

Вот и сейчас она настороже. К дому прибилась серо-полосатая Матильда. Она приходит в сад ещё с весны и даже спит в дальнем открытом летом пустом сарае. Едва завидев Матильду, Мурка всегда бросается на неё и прогоняет.

Но оккупантские поползновения продолжаются всё лето. Причём происходит это при попустительстве Мурчика. Он, повторимся, – джентльмен до мозга костей, интеллигент и умница. И никогда не прогоняет дам. Более того, он очень уважительно и нежно к ним относится.

Вот и сейчас его дамы картинно сидят на зелёной травке по обеим сторонам дорожки, ведущей от дома к калитке, и злобно шипят одна на другую. Чувствуется, что Мурке надоели драки и схватки. Поэтому она только пугает, шипит, грозит и рычит, выказывая свои негодование и недовольство. Но преамбула скоро может перерасти в отчаянную потасовку.

При появлении на пороге Мурчика кошки не прекращают «пререканий».

А показавшийся из дому кавалер озадачен увиденным. Он очень спешит – на его чёрных усах видны белые капли молока, которым он только что очень славно и с большим аппетитом поужинал. Коту даже некогда вылизаться – он очень спешит. Для него важен каждый миг. Обстоятельства требуют его незамедлительного появления где-то там – на территории. Он, по всей вероятности, ухаживает за новой красавицей. Но не один, а вместе с группой конкурентов, которых держит в страхе. Но вот теперь удалился на ужин, ибо парное молоко – его давняя слабость.

Однако, увидев сидящих в грозных позах визави Мурку и Матильду, Мурчик теряется. Он останавливается, озабоченно смотрит вдаль и решает взять на себя обязательства судьи и предотвратить боестолкновение.

А потому неторопливо, мудро и спокойно спускается по трём деревянным ступеням и идёт по дорожке. На морде его нарисованы волнение и стремление навести порядок и прекратить боевые действия.

Но кошки не обращают внимания на его миротворческие устремления и продолжают рычать, злобно глядя друг на друга. По мере приближения Мурчика шипение и рычание усиливаются.

Всё для себя решив, Мурчик целеустремлённо подходит к хозяйке – бело-серой Мурке – и, игнорируя боевой пыл, нежнейшим образом обнюхивается с ней. От Мурки он идёт к сидящей напротив Матильде и тоже любовно приближает к её полосатой мордочке свою чёрную, с белыми капельками молока на усах.

«Девочки! – написано в его жёлто-зелёных глазах. – Не ссорьтесь!»

Девочки прекращают громко рычать, хотя всё ещё шипят, но шипение их становится не таким откровенно агрессивным.

Мурчит садится между ними и растерянно и миролюбиво смотрит то на одну, то на другую подругу в попытках успокоить. Обе ему дороги, и он совсем не хочет конфликтов.

Посидев, подавая положительный пример, он встаёт, осторожно и неспешно снова подходит то к Мурке, то к Матильде, всем своим видом показывая, что он не допустит конфронтации и пора примириться.

Ярким и осязаемым энергетическим посылом он явно провозглашает хрестоматийное: «Ребята! Давайте жить дружно!»

Конфликт предотвращён.

С течением времени однажды тёплым августовским вечером Матильда приводит к деревянному порогу двух серо-полосатых, как и она сама, трогательных малышей с пронзительно синими глазками и тонкими смешными хвостиками. Дети не так давно научились ходить.

Мурки возле дома нет – она ушла по делам. Матильда, показав место, где никто не обидит, и оставив котят, тоже уходит на охоту. А дети, как и все малыши, прыгают и резвятся в траве неподалёку от порога. Один наскакивает на другого. Другой ложится на спинку и быстро отбивается задними лапками от нападающего сверху ушастенького братца.

И тут из дому выходит Мурчик. Он отужинал, но успел вылизаться, потому что молока на его морде не заметно. На сей раз хозяин не спешит.

Завидев огромного незнакомца, большого и страшного, котят перепуганно замирают. Забыв об игре, они вскакивают. А тот, что покрупнее и поактивней, выгибает спинку и принимается бочком пружинисто и легко быстро подскакивать, показывая готовность к схватке.

Телепат Мурчик сразу оценивает обстановку. Едва завидев испуг в детских глазах, он останавливается и замирает. Затем медленно и миролюбиво садится. Всем своим видом показывает, что он добрый и хороший взрослый кот, который ничего плохого делать не собирается и ни за что никого не обидит. Так он и сидит, а котята, всё ещё автоматически пятясь, опасно прыгают с выгнутыми спинками. Но Мурчик, боясь напугать малышей, не делает ни единого движения.

Через день картина меняется и выглядит совсем идилично: Мурчик лежит на зелёной лужайке у порога, а котята носятся рядом с ним и играют с кончиком его длинного чёрного хвоста. Кот покровительственно и добродушно позволяет эти вольности.

А вскоре, увидев, как братья не могут ухватить качающийся листок на веточке, Мурчик прыгает и веточку ловит, демонстрируя, как надо охотиться и хватать добычу.

Хотя сам он никогда не охотится – ему и так обеспечен неплохой рацион.

С теми же покровительственными отцовскими чувствами относится Мурчик и к бело-серому котёнку Мурки – Колобку. Вплоть до того, что выгуливает его, уже подростка, водя за собой по собственной территории. И на длинной дорожке, ведущей к речке вдоль картофельных грядок, всегда можно наблюдать два плывущих над зеленью хвоста – длинный высоко поднятый чёрный хвост Мурчика и бело-серо-полосатый, какой-то лемурий хвост любознательного Колобка. Мурчик учит и воспитывает сыночка, показывая ему свой мир.

Говорят, что он из породы норвежских лесных, с примесью, конечно. Мурчик – приверженец семейных традиций, а заодно и охранник. Он всегда знает, что кто-то должен уехать или приехать, встречает и провожает хозяев, как верный пёс. Только делает это без собачьего лизоблюдства, а с огромным чувством собственного достоинства – держит ситуацию под контролем. Встретить, проводить и сопроводить кого-то из обитателей дома, при этом охраняя (!), он считает своим долгом.

Когда хозяева по осени выходят на огород выбирать картошку, Мурчик неотступно следует за ними. Он заметно волнуется, не отходит от людей ни на шаг, старается держать всё происходящее под личным контролем, лежит рядом и оглядывает окрестности. А когда кто-то идёт к дому с мешком картошки за спиной, чтобы высыпать её в сарае, кот бежит следом и возвращается по пятам. Он всегда должен быть начеку и не оставлять никого без своей опеки.

Но век деревенских котов недолог.

И это была ещё одна из историй деревенского прайда.

КАРТИНА С БАЛЕРИНОЙ

Даже Стежкиной (Столяровой) с благодарностью за сюжет

*...и лишь, как прежде, девочки Дега
голубенькие оправляют перья.*

Белла Ахмадулина

«По улице моей который год...»

Во время празднования юбилея Марии Эдуардовны приглашённая подруга и художница Лилия подарила ей картину, написанную в минуты вдохновения.

Излюбленным сюжетом художницы всегда был балет.

Конечно, картины Лилии не могли сравниться ни с творениями Дега, ни Тулуз-Лотрека, но тема она оставалась верна долгие годы. «Балетных» творений в её галерее было много. Смотришь – и среди снежных зимних пейзажей и цветочных натюрмортов вынырнет пара ножек из-под воздушного и пышного белого великолепия длинной балетной юбки.

Среди прочих изысков она любила писать балерин – в лёгком далёком полёте, стоящими в репетиционном классе у станка, в торчащих в стороны коротких пачках, отрешённо сидящими на полу, напряжённо стоящими на пуантах или застывшими в разного рода поклонах. Иногда её картины были светло-восторженными и красивыми, иногда откровенно безжалостными и почти исповедальными – с истёртыми в кровь босыми пальцами ног тружениц-балерин. Но всегда от её холстов веяло вдохновением и от каждого – особенным настроением.

Это полотно тоже было напоено смыслом.

Усталая написанная маслом балерина стояла у стойки вполоборота к зрителю. Окружали её фигуру разных оттенков тёмные хаотичные пятна фона. Картина казалась тёмно-зелёно-коричневой. А сама балерина – удручённой, просто какой-то разбитой тяжкими мыслями. И в этом не было ничего шокирующего.

Но в целом полотно вызвало мрачные чувства и сразу основательно давило на нервы и портило настроение. И по духу сделано оно было безжалостно – балерина поражала своей вызывающей некрасивостью, бьющей в глаза непропорциональностью, подчёркнутыми и преувеличенными «недостатками» в лице, фигуре, в одеянии и неправдоподобной для балерин выпрenneй полнотой.

Казалось, что бедняжка чем-то не угодила автору, вызвала желание поиздеваться, досадить и, вообще, изуродовать, превратив её спину практически в перетянутую шнуровкой и упрямо вылезающую из-под стянутых верёвочек бледную сардельку.

И если Мария Эдуардовна впопыхах поначалу отнеслась к изображению довольно равнодушно, то её мужу Павлу Сергеевичу балерина с картины не понравилась с полувзгляда.

Он так и сказал жене дома вечером, прислонив к стене в коридоре завернутый в бумагу дар размером метр на метр и не решаясь внести дальше в дом:

– Бегемот бегемотом! И куда мы *это* денем?

Мария Эдуардовна безмолвно сняла туфли, прошла в ванную, вымыла руки и вернулась в коридор, где Павел Сергеевич, освободившись от груды цветов и пакетов с подарками, уже снял с картины бумагу.

– Так куда? – неодобрительно глядя на изображение, но всё-таки с готовностью выполнить распоряжение повторил он так, как будто ожидал, что его попросят куда картину не вносить, а каким-то образом избавиться от дара.

Мария Эдуардовна замылась и задумалась. Картина тоже не вдохновила её.

Муж был более прямолинеен.

– Ужас какой-то! – воскликнул он. – Смотреть не хочется – балерина толстая, несоразмерная, как побитая собака, и нога у неё 45 размера. И всё у неё плохо, и жизнь ей не мила.

Марина Эдуардовна повнимательнее взгляделась в полотно, особенно в большие ступни ног танцовщицы.

– Да уж-ж-ж! – оценочно прошептала она, вкладывая в нарочито-долгое жужжание антипатию к художественному объекту.

Изображение на холсте не вызвало у неё эстетического удовольствия, наоборот, оно давило и производило гнетущее впечатление. Героиня в сизо-коричневой пачке заставляла отвести глаза и никогда больше в сторону артефакта не смотреть.

– Давай сразу выбросим! – прямолинейно и решительно предложил супруг.

– Как-то неловко, Павлик, – возразила ему Мария Эдуардовна, с неприязнью глядя на картину.

– Что же тут неловкого! – воскликнул он в ответ. – Дома не оставишь, передарить никому нельзя – все её видели и запомнили, на дачу не отвезёшь. Остаётся выбросить.

– Нет, так нельзя, у неё же, наверное, есть художественная ценность, – засопровтивлялась Мария Эдуардовна. – Лилька ведь не просто так, она что-то этим сказать хотела, что-то искала, выразить пыталась.

– Я не знаю, Маш. Ну какая в этой балерине ценность? А ты – Плюшкин, – сделал обобщающий вывод Павел Сергеевич, – вот почему ты никогда ничего не выбрасываешь?

– Прекрати! – пресекла давний спор Мария Эдуардовна.

– Зачем тебе твои школьные почётные грамоты? – вытащил из сундука старый аргумент ворчун Павел Сергеевич.

– Они тебе, что, мешают? – запальчиво спросила Мария Эдуардовна.

– Но зачем ты хранишь всякое барахло? – продолжал развивать любимую тему Павел Сергеевич.

– Грамоты – это память о детстве, – парировала Мария Эдуардовна и остановила препирательства. – Куда картину денем?

– В мусорник! – был категоричен Павел Сергеевич.

– А когда Лилька в гости придёт? Что мы ей скажем? – принялась размышлять Мария Эдуардовна. – Где картина? Подарила ведь! А мы её...

– Чем же она так ей насолила? – засмеялся Павел Сергеевич.

– Кто? – спросила Мария Эдуардовна.

– Балерина, – вздохнул он, взглянул на картину ещё раз и с отвращением даже как-то хрюкнул. – Нет! Смотреть невозможно. Давай я её на помойку отнесу!

– Нет! – вздохнула Мария Эдуардовна и горестно добавила. – Но деваться некуда. Придётся в спальне повесить – больше нигде,

И поскольку в квартире не нашлось другого подходящего места для шедевра, картину с тучной балериной повесили в спальне.

Иногда по вечерам Мария Эдуардовна, нехотя бросив взгляд на висящее полотно, принималась вдумываться в идею и пыталась объяснить:

– Она, Паш, просто вызов обществу бросает. «Вот вы все хотите идеала и красоты на сцене, а для меня это тяжкий труд. И мне всё это надоело. И идите вы все лесом. Захотела – и растолстела. И улыбаться больше не могу. Делаю, что хочу и выгляжу, как хочу. И работа эта мне давно не в кайф».

– Ну-ну, – отвечал ей муж, стараясь не смотреть на картину.

Через месяц пригласили Лильку в гости и продемонстрировали балерину, с необъяснимой тоской взирающую на хозяйское семейное ложе.

Художница оценивающе окинула глазами дело рук своих и осталась довольна.

Спустя пару недель, пробудившись поутру и увидев висящую напротив него картину на стене, Павел Сергеевич простонал: – Я больше так не могу! Только проснёшься, глаза откроешь, а тут это чудище! Давай, Маш, решать. Лилька твоя свою мясистую балерину у нас уже видела, должна успокоиться. Сейчас встану и вышвырну её без разговоров!

Марии Эдуардовне тоже вконец надоели неопределённые мрачные пятна фона, землистое унылое лицо, вычурные складки жира на талии и синие ноги с чётко прорисованной тёмно-фиолетовой сеткой вен.

– У меня тоже настроение от неё портится, – согласилась она. – Сними, Павлик! Сколько можно! Я её куда-нибудь дену.

– И куда ты её денешь? – иронично поинтересовался Павлик, с наслаждением снимая картину и прислоняя её изображением к стене, изнанкой наружу. – Давай сразу в мусорник!

– А когда Лилька опять в гости придёт? – затуманилась Марина Эдуардовна. – Как ей объяснить? Неудобно!

– Что, мне снова повесить её сюда? – возмутился супруг.

– Ну а куда деваться! – ответила Мария Эдуардовна.

– Так и будем всю жизнь с этой балериной мучиться! – в сердцах предрёк Павел Сергеевич, оставил танцовщицу прислонённой к стене и уехал на работу.

Мария Эдуардовна обвела глазами комнату, посмотрела на картину, прикинула, куда бы её пристроить, и не нашла лучшего выхода, кроме того, чтобы просто засунуть балерину под кровать.

Вернувшийся вечером домой Павел Сергеевич быстро взглянул на освободившуюся от огромного угрюмого пятна стену, с облегчением вздохнул и сразу успокоился. В целом его не очень интересовал интерьер. После ужина он улёгся на кровать, водрузил ноутбук на живот и с увлечением уткнулся в него.

Так он впоследствии ничего и не замечал, и вопросов не задавал, тихо радуясь исчезновению опостылевшей художественной обузы.

Эйфория от освобождения продолжалась довольно долго и неожиданно закончилась скандалом.

Как-то утром, собираясь на работу и застёгивая рукав рубашки, Павел Сергеевич уронил запонку. Та с лёгким стуком шлёпнулась на пол и отскочила куда-то под кровать.

Павел Сергеевич нагнулся и заглянул по неё в поисках закатившейся золочёной вещицы.

Первое, что он увидел под кроватью, была совсем не вожделенная запонка, а уже изрядно подзабытая мрачная картина с пресловутой корпулентной дамой на пуантах. Запонка лежала на раме и озорно, даже как-то ехидно посверкивала.

Павел Сергеевич взял запонку двумя пальцами, положил на прикроватную тумбочку, а потом с негодованием извлёк шедевр за свет.

– Маша! – неприлично громко завопил он на весь дом. – Что это?

Причём он вложил в интонации столько страсти, возмущения и гнева, что бедная Маша, не на шутку перепуганная, прибежала в комнату с кухни – прямо с кофейной туркой наперевес.

– Это что такое? – вопил Павел Сергеевич, держа в руках покрытый пылью извлечённый из-под кровати шедевр.

– Тьфу! – сказала предполагавшая было всё самое нехорошее и вмиг успокоенная Маша. – Что ты так кричишь?

– А что она здесь делает? – разоблачительно вопрошал Павел Сергеевич.

– Лежит, – просто объяснила Маша и пожала плечами.

– Почему здесь? – продолжал неистовствовать супруг.

– Ну, здесь лежит, – никак не могла вразумительно объяснить местоположение артефакта Маша.

Но Павел Сергеевич чувствовал себя оскорблённым до глубины души.

– Во-первых, почему ты мне ничего не сказала? – продолжал он на повышенных нотах.

– Ну, не сказала, – в том же своём тоне флегматично отвечала ему супруга. – Ты, Павлик, так орёшь, как будто невесть что там под кроватью нашёл, прямо как минимум любовника.

– Это получается, что я на ней почти два месяца спал?! – пропустил мимо ушей замечание Маши о любовнике Павлик.

– Ни на чём ты не спал. Она просто там лежала. И никаких не два месяца, а полтора, – зачем-то уточняя срок, пыталась оправдываться Маша.

Пререкания супругов закончились тем, что Павел Сергеевич в разгар споров взглянул на настенные часы и со словами «У меня же встреча!» с горем пополам вставил запонки на место, надел пиджак и, не выпив утреннего кофе и не съев бутерброда, убежал.

Мария же Эдуардовна быстро нашла выход. Она тоже уехала на ту же работу, поскольку супруги владели одной фирмой. Но уехала не одна, а вместе с ненавистной балериной.

Выбросить картину давней подруги она не могла. Держать её дома тоже стало «опасным». Поэтому она решила повесить её где-нибудь в офисе. Причём подальше от собственных и Павла Сергеевича глаз. Но чтобы в любой момент картина оказалась под рукой. И перед автором в случае чего можно было легко оправдаться, и предъявить арт-объект.

На работе Мария Эдуардовна повесила картину в бухгалтерии, куда обычно Павел Сергеевич не заходил.

Главный бухгалтер Дина Марковна в восторг от редкостного полотна не пришла, но тихо смирилась с соседством и старалась на него не смотреть.

Вечером Павел Сергеевич с опаской и нехорошими предчувствиями заглянул под кровать и мгновенно утихомирился. Балерина исчезла, и всё встало на свои места.

Прошёл месяц, о картине не вспоминали. Но в один прекрасный момент рабочие дела занесли-таки Павла Сергеевича в бухгалтерию.

Он открыл дверь, вошёл в кабинет и со словами «А что у нас с аудитом?» уселся напротив Дины Марковны. Та, нацепив очки на нос, открыла на экране необходимые документы и с готовностью и энтузиазмом рассказала боссу о делах с благополучно завершившейся проверкой. Через некоторое время довольный Павел Сергеевич поднялся и пошёл к двери. И тут... И тут глаз его наткнулся на сине-зелёно-коричневую грузную балерину с сорок пятым размером ноги.

Надо ли говорить о реакции?

Нет, крика не было. Павел Сергеевич сдержался. Но он почувствовал себя чуть ли не загнанным зверем. Рок в лице массивной обиженной на целый свет балерины упорно преследовал его. Призванная на место событий Мария Эдуардовна, не стесняясь, хохотала. По ходу дела она думала о том, что хорошо, что муж никогда не заглядывает к ней в телефон – в нём она сохранила изображение, сфотографировав его, – так, на память. Она представила себе, что вдруг как-нибудь эта виртуальная балерина «всплывёт» пред светлые очи Павла Сергеевича, и начала вздрагивать плечами не в силах унять смех и остановиться.

Для Дины Марковны пришлось в общих тонах обрисовать ситуацию.

Павел Сергеевич, не обращая внимания на реакцию супруги, лично снял картину.

– Пойду на помойку отнесу, – пообещал он ей и покинул офис.

Во дворе стояли переполненные контейнеры для сортировки мусора. Ни в один из них массивная балерина формата 100,00 x 100,00 см не влезла бы.

И тут взгляд Павла Сергеевича наткнулся на двух бомжей, направлявшихся к контейнерам.

– Мужики! – пошёл им наперерез Павел Сергеевич и настойчиво предложил. – Возьмите картину!

Два немолодых маргинала в довольно приличной одежде с чужого плеча остановились и посмотрели на шедевр, от которого хотел избавиться человек из офиса.

– Не-е, не нужно, – отказался один. – Куда мы её денем?

– Жирная какая! – безжалостно и прямолинейно оценил бедную Лилькину а-ля кустоди-евскую по формам героиню другой.

Павел Сергеевич не знал, куда можно пристроить артефакт.

– Может, продадите кому, – неопределённо предположил он.

– Да кому она нужна! – сказал один.

И в этот миг Павел Сергеевич явственно осознал всю брэнность бытия, а заодно и искусства.

Он минуту постоял у жёлтого прямоугольного контейнера, под завязку забитого бумагой и картоном, думая, что в руках у него отнюдь не бумага, а холст в деревянной раме. Потом он взглянул на синий контейнер для бытовых отходов. В душе у него шевельнулись гуманистические настроения, и он не решился опустить в него Лилькино творение-откровение. В конце концов, Павел Сергеевич прислонил не укладывающуюся ни к в какие рамки балерину к стоявшему рядом похожему на зелёный колокольчик контейнеру для стекла и с чувством выполненного долга быстро пошёл к офису.

На следующий день картина исчезла.

ПОЛИГЛОТ

Даце Стежкиной (Столяровой) – с благодарностью за сюжет

Люди, занимающиеся одним и тем же видом деятельности, считают нужным время от времени собираться вместе на деловые встречи. Когда-то такие мероприятия оптимистично называли слётами, теперь чинно и представительно – конференциями.

После обсуждения важных вопросов и обмена опытом сплотившиеся единомышленники любят устраивать посиделки, именуемые банкетамы. Обстановка на них располагает к тому, чтобы отдохнуть, избавиться от официального тона, поболтать на отвлечённые темы, пообщаться в неформальной обстановке и повеселиться.

Вот и сейчас организаторы мероприятия бизнес-леди Вероника и её помощник Никита устроили такую встречу. Люди из разных европейских стран, обговорив в течение дня все насущные вопросы, расслаблялись в ресторане.

Языком общения был английский. Помня об интернациональности наполненности собрания, постановили, что каждый произносящий какие-то слова на международном английском, будет заканчивать их тостом на родном языке.

За большим круглым столом витали и английское *cheers* ([чиэз]), и французское *a votre sante* ([а вотр санте]), и немецкое *prosit* ([прозит]). Прозвучали и итальянские *salute* ([сальют]) и *cin cin!* ([чин-чин]), и испанское *salud* ([сальюд]), и скандинавское *skoal* ([сколь]), и греческое *eviva* ([эвива]), и польское *nazdrowie* ([наздروه]), и чешское *na zdrav* ([на здрав]), и болгарское «наздраве», и украинское «будьмо», и латышские *priekā* ([приека]), *sveiks* ([свейкс]) и *vesels* ([веселс]), и *l'chayim* ([лэхайим]) на иврите.

Будучи ответственным начинающим сотрудником, Никита внимательно выслушивал понятные ему речи и автоматически мысленно пытался переводить для себя тосты с немного знакомых языков на русский.

Очередь дошла до представительной дамы-эстонки, сделавшей на конференции обстоятельный доклад. Седовласая женщина по имени Ингрид вызывала общее уважение своей компетентностью, возрастом и внешними данными. Одета в довольно строгий костюм, в очках, с хорошо уложенными волосами, она выглядела очень серьёзной и энергичной.

Ингрид встала и сказала несколько слов по-английски. В заключение она приподняла бокал с белым вином и, ослепительно улыбаясь, призывно произнесла: *Tervisex!*

Сидевший рядом с ней Никита на автомате машинально тотчас перевёл для себя: «За первый секс!» и от неожиданности опешил. Он умел в минимальных рамках изъясняться на разных языках и почитал себя полиглотом. Потому сразу понял слово *sex*, а дальше подсознание коварно подсказало молодому человеку первый пришедший на ум вариант.

Однако образ почтенной матроны плохо сочетался в его сознании с фривольностью текста.

«Какая странная женщина!» – подумал Никита, глядя на её держащие бокал пальцы с вычурным кольцом.

Пока полиглот созерцал большой прозрачно-зелёный камень в обрамлении маленьких искрящихся бриллиантиков и пил свой бокал вина, он пытался сопоставить облик строгой и требовательной «классной дамы» с игривостью прозвучавшей фразы. Почему-то Ингрид слегка напоминала Никите его школьную учительницу математики Эльзу Францевну, которая всегда оценивала его знания на унизительную тройку, стыдила и выговаривала за нерадение. Никита пристальнее взгляделся в лицо Ингрид и понял, что причиной ассоциаций были узкие крепко сомкнутые губы и вертикальные морщинки, идущие от верхней губы к носу.

Застолье между тем продолжалось. Тема тостов захватила собравшихся, и они принялись вспоминать тосты не только на родных, но и на других языках – каждый говорил то, что приходило на ум.

Прозвучало уже и китайское «кан пей».

– Это пожелание здоровья? – поинтересовался полиглот Никита у произносившего короткий спич коллеги.

– Нет, – ответил «тостующий», – в переводе это значит: «Чтобы река обмелела».

По аналогии кто-то припомнил созвучное японское «кампай».

Но все аналитически сошлись на том, что обычно в тостах звучит пожелание здоровья.

Веселье продолжалось, люди раскрепостились, рассказывали забавные истории и анекдоты, смеялись.

Внешне суровая Ингрид тоже достаточно непринуждённо поведала комичную историю, вызвав взрыв громогласного хохота, и завершила свою речь картинно поднятым бокалом и всё тем же призывом: Tervisex!

Спрашивать её о переводе полиглот Никита не стал – ему и так всё было понятно. Дама по аналогии с Эльзой Францевной, а, соответственно, с ненавистными с детства алгеброй и геометрией, изначально вызвала у него опасливый холодок где-то между лопатками. Никите так и казалось, что сейчас уважаемая коллега, оставив весёлый тон, вызовет его к доске, заставит решать сложную задачу, доказывать теорему или спросит о том, чему в его голове не найдётся никаких объяснений. Все версии резко контрастировали со словами Ингрид.

«Наверное, это было незабываемо», – прокомментировал про себя остроумный Никита необычный текст, повторявшийся женщиной в немалых летях, и оживлённо посмотрел на Ингрид, которая так настойчиво твердила слова, которые не принято произносить публично.

Когда после чьей-то очередной тирады то же самое выражение снова прозвучало из уст замечательной дамы, он пришёл в недоумение.

«Как-то её заклонило! – думал Никита, осушая бокал и отчасти испытывая некую неловкость за годившуюся ему в бабушки Ингрид. – С виду такая приличная женщина!»

Мысленно он даже попытался её оправдывать. «Может быть, выпила лишнее», – сердобольно и сочувственно думал Никита, глядя на красивые зелёные камешки с бриллиантовой россыпью в серьгах разошедшейся Ингрид. Посверкивающие украшения словно ёрнически поддерживали общую легкомысленность слов, вылетающих из тонких губ.

Никита поддался нахлынувшему адвокатскому настрою и стал объяснять такую сосредоточенность на определённой тематике иначе. «Видимо, это менталитет, – сказал себе полиглот, – и у них так принято. Или это тост такой? Хотя вряд ли – обычно на всех языках желают здоровья».

Он настолько проникся идеей, что и сам стал, поднимая бокал, полушёпотом приговаривать вслед за соседкой начавший изрядно забавлять его тост – Tervisex!

Вечер закончился.

На следующий день Никита, заглянувший на утреннюю пятиминутку к начальнице Веронике в кабинет, подвёл итог:

– Всё прошло замечательно! Но какая странная эта Ингрид!

– Что же в ней странного, Никитушка? – недоумённо поинтересовалась Вероника, осторожно попробовала дымящийся кофе из стоявшей перед ней чашки и отставила её в сторону, потому что напиток показался ей обжигающим.

– Обаятельная солидная дама. В возрасте. Умная, знающая. Само очарование! – стала перечислять она достоинства Ингрид.

Вероника была старше своего подчинённого на добрый десяток лет, а потому относилась к нему покровительственно, снисходительно, с материнской иронией к его неожиданным ребячествам и умилявшим её полудетским взбрыкам.

– Да она весь вечер говорила один и тот же тост – «За первый секс да за первый секс!» – объяснил свою оценку впечатлённый Никита. – Странная какая-то!

– Что-что она говорила? Я такого не помню, – с округлившимися глазами и изменившейся интонацией спросила Вероника. – С чего ты взял? Какой секс?

– Так вчера в ресторане эта очаровательная и обаятельная дама только и твердила: Tervisex-terviseх! – весело отозвался Никита.

Вероника подозрительно взглянула на хихикающего юношу-полиглота, быстро набрала на экране стоявшего сбоку компьютера слово в поисковике, прочитала, прыснула, от души расхохоталась и повернулась на крутящемся стуле к подчинённому.

– Ники-ит! Солнце моё! А ты знаешь, как это переводится? – поинтересовалась она.

Полиглот почувствовал что-то неладное и чуть насмешливо, однако с плохо скрываемой опаской повторил за начальницей:

– Как?

– На здоровье! – шумно обрадовала его Вероника.

– Так «за первый секс» же! – никак не смог успокоиться Никита.

Несколько надменное выражение на его лице сменилось растерянным и недоумевающим.

– И как ты до этого додумался? – поинтересовалась Вероника.

– Ну так по-гречески же πρώτα [tervi] – «первый», а с «секс» и так всё понятно, – неуверенно и кротно промямлил он.

– Юноша! Вообще-то, это «на здоровье!» по-эстонски, – отсмеявшись, осторожно, чтобы не задеть накрашенных ресниц, вытирала слёзы почувствовавшая свой опыт и возраст мать двоих детей Вероника.

Взяв со стола чашку со слегка остывшим утренним кофе, она сказала:

– Ну! – сделала паузу, подняла чашку повыше и, как будто произнося тост, провозгласила. – За первый секс!

Вероника сделала паузу, подняла чашку повыше и, как будто произнося тост, провозгласила. – За первый секс!

– Terviseх! – на автомате ответил Никита, посрамлённо умолк и после недолгой паузы предложил. – Можно на фирменных кружках тосты на разных языках напечатать – очень привлечёт клиентов.

– Правильно мыслишь! И Terviseх из всех тостов будет первым! – похвалила его начальница.

Надо ли говорить о том, что словечко вошло в корпоративный обиход, а Никита приобрёл славу завязанного полиглота?

«ГАУДЕАМУС»

*Пора была глухая. Все легли
Давно на отдых. Улицы пустыли.
Два-три студента под окном прошли
И Gaudeamus igitur пропели,
Потом опять всё замерло вдали,
Один лишь я томился...*

А. А. Фёт
«Сон»

– Товарищи! – именно так всегда обращалась преподавательница латыни к студентам. – Помимо прочих заданий, к следующему занятию вы должны выучить Gaudeamus.

– Что, весь?! – громко ужаснулся с последней парты Владимир Ильич, заглянув в учебник.

– Да, конечно! – убедительно ответила Лидия Андреевна.

– Так там же десять куплетов! – раздался с другой парты страдальческий низкий голос Иры, внимательно рассматривавшей страницу учебника.

– А для вас это составит проблему? – спросила Лидия Андреевна.

Группа тяжело вздохнула. Катуллово *Disertissime Romuli nepotum** они уже учили. И указательные местоимения *is, ea, id* (этот, эта, это) в единственном и множественном числах наизусть склоняли. Со всеми вариантами. А куда деваться?

Nom. *is ea id ei (ii) eae ea*
Gen. *eius eius eius eorum eorum eorum*
Dat. *ei ei ei eis (iis) eis (iis) eis (iis)*
Acc. *eum eam id eos eas ea*
Abl. *eō eā eō eis (iis) eis (iis) eis (iis)*

Так что к латинским издевательствам студенты-филологи привыкли – древние римляне умели изошрённо и по-своему изящно портить им настроение.

– Кстати, – словно прочитав коллективную мысль, вспомнила Лидия Андреевна, – есть товарищи, которые ещё Катулла не сдали. И указательные местоимения тоже. Попрошу не тянуть! Скоро сессия. К экзамену без Катулла и местоимений они допущены не будут.

Лидия Андреевна иногда предпочитала изъясняться страдательными глагольными конструкциями, избегая категоричных императивных форм. Хотя все её фразы воспринимались исключительно как приказания.

– А без Gaudeamusa никак нельзя? – просклоняв по-русски название, вразнобой поинтересовались отчаянные головы с последней парты у окна.

– Нельзя! Подумайте сами, как можно обойтись без Gaudeamus? – ответила вопросом на вопрос преподавательница, демонстративно употребив начальную несклоняемую форму. – Вам это крайне необходимо!

– Зачем? – послышалось на разные лады, но в унисон выраженное коллективное отчаяние.

Однако чуткий слух Лидии Андреевны уловил-таки и другую перекрытую общим гулом реплику, саркастически пропетую полным скепсиса и плохо скрытой язвительности, голосом:

– И как мы без этого будем жить!

– Ну как! – изменив своим принципам не выражать эмоций, возмутилась Лидия Андреевна, но быстро сбавила обороты. – Представьте – у вас будет выпускной. Надеюсь, что вы все

университет окончите. Если, конечно, сдадите латинский язык! – с тонкой улыбкой позволила она себе иезуитскую шутку. – Будет торжественный акт, вам вручат дипломы. В конце церемонии обязательно надо петь хором студенческий гимн – *Gaudeamus*. Это традиция. И представляете, как вам станет стыдно, если все начнут петь, а вы – нет, потому что слов не знаете! И будете себя чувствовать белыми воронами.

О том, что, прежде всего, станет стыдно ей самой, если она, конечно, через четыре года придёт в Большую аулу на этот выпускной, Лидия Андреевна не сказала. Но мысль сквозила в её глазах, это было видно даже через толстые стёкла очков в чёрной оправе. Кто же, кроме неё, научил бы студентов петь *Gaudeamus*!

И группа – кто с грехом пополам, а кто и вполне прилично – удосужилась запомнить классический текст и сдала его. Так что хором довольно слаженно пропела его в 216 аудитории во время занятия. Кто – незаметно заглядывая в шпаргалку, а кто – и на автомате.

Вот и у Татьяны слова механически отскакивали от зубов. И через четыре года, как и было обещано Лидией Андреевной, на торжественном акте тоже очень прилично отскакивали, тем более, что Татьяна накануне постаралась их прочитать и таким образом повторить. Хотя текст, в своё время преподнесённый под лозунгом «Мало ли что в жизни пригодится!», и без этого основательно врезался в её память.

Правда, почему-то все десять куплетов хор, выстроившийся у трибуны, петь не стал. Профессорско-преподавательский состав, стоявший в центре, с большим воодушевлением и знанием дела слаженно ему вторил. Однако Лидия Андреевна в менторских рядах отсутствовала, ведь латынь не была профильным предметом. Или она хотела избежать минуты бесславия, если кто-то, вопреки её усилиям, забыл слова? Но незримое присутствие уважаемой латинистки чувствовали все однокурсники, честно и добросовестно, с чувством выполненного долга, распевавшие достославный *Gaudeamus*.

Гимн исполняли, конечно, стоя. Всех объединял возвышенный и мудрый, неистребимый и переходящий из эпохи в эпоху средневековый студенческий пофигистский тезис: «Будем веселиться, пока мы молоды!»

Да простит читатель автору штамп, но «прошли годы». Татьянин ребёнок окончил школу и поступил в университет. На день Аристотеля, проводившийся на старинной большой городской площади, отправились всей семьёй.

Татьяна с мужем примкнули к группе других родителей и просто зрителей, стоявших позади свежее испечённых студентов, и внимали действу. Было торжественно и весело, с трибуны произносились речи. Факультеты выстроились каждый своим порядком – с табличками, символами и «штандартами». И вот в конце хор запел, конечно же, вечный и незабвенный *Gaudeamus*.

Татьяна с большим воодушевлением спела несколько прозвучавших куплетов – трёх, вместо когда-то выученных десяти. Муж *Gaudeamusa* не пел – выпускник другого факультета, он не проходил через заботливые руки Лидии Андреевны и слов не помнил. Хотя за его плечами тоже остался год латинского языка.

А Татьяна, чувствуя приобщённость к традициям и благодарность дальновидной Лидии Андреевне, с гордостью, трепетом и удовольствием выводила:

– *Vivat Academia! Vivant professores! Vivat membrum quodlibet! Vivant membra quaelibet! Semper sint in flore!***

При этом она чётко помнила, что *academia vivat*, а *professores vivant*, потому что это формы глагола в разных лицах. И *membrum quodlibet* с *membra quaelibet* тоже осознанно и чётко дифференцировала.

Она, вообще, не так давно избавилась от привычки письменно праздновать, от нечего делать, спрягать латинские глаголы на разных казённых мероприятиях, когда надо было конспектировать особенно скучные неудобоваримые речи. Обычно люди в таких случаях что-то рисуют:

кто – цветочки, кто – лица, кто – ножки, кто – машинки, кто – кошек. А Татьяна в два столбика спрягала латинские глаголы – такова была сила привычки, взращённой Лидией Андреевной.

Пели ли окружающие студенческий гимн, было непонятно, но вечные слова и музыка, лившиеся из динамиков, наполняли собою всю площадь и объединяли собравшихся на ней людей – и вчерашних абитуриентов – свежеиспечённых студентов, и их родителей, и преподавателей. Стоявшие на трибуне ректор и деканы факультетов в мантиях пели гимн с эмоциональным подъёмом и чувством честно исполняемого долга – это было заметно.

Церемония завершилась протяжённым шествием к центральному зданию университета. Над Старым городом гордо и жизнеутверждающе раздавалось: *Vivat nostra societas, Vivant studiōsi!****

И Лидия Андреевна незримо присутствовала рядом. Татьяна почему-то всё время вспоминала её с благодарностью за науку.

В следующий раз шанс не посрамить преподавателя представился Татьяне через некоторое время, когда сын получал диплом бакалавра.

Большая аула была светла и прекрасна. Церемония, как всегда, отличалась особыми торжественностью и красотой. Бакалавры в чёрных атласных мантиях с жёлтыми воротниками, в академических шапочках с кисточками светились от счастья. По традиции в заключение звучал *Gaudeamus* в исполнении хора в сопровождении всех присутствующих.

Перед началом мероприятия каждый выпускник нашёл на своём стуле лист бумаги формата А4 с текстом гимна, и в глазах Татьяны были сведены на нет – вызывающе и варварски стёрты в порошок – вся память и уважение к усилиям Лидии Андреевны. Выпускники, глядя в распечатку, речитативом механически и без эмоций оглашали текст, воспитанно, но невнятно подпевая хору.

Татьяна же честно пела гимн наизусть, радуясь тому, что всё помнит. Посвящённый в предысторию муж умильно и иронично взглядывал на неё, ходил по залу и фотографировал происходящее. Пели ли другие родители, Татьяна не видела, потому что те находились у неё за спиной – она стояла сразу за выпускниками.

Уже через пару лет вся семья вновь пришла в Большую аулу на вручение теперь магистерских дипломов. И опять атмосфера была высокой, строгой и торжественной.

Цвет воротников на чёрных блестящих длинных мантиях выпускников сменился тёмно-малиновым. Кисточки на академических шапочках, перекинутые на левую сторону, подтверждали факт получения образования. Ближе к окончанию церемонии раздались звуки органа и хор запел вечный жизнеутверждающий *Gaudeamus*.

Гимн пели ректор, деканы и преподаватели – наизусть – чувствовалась старая добрая школа. Выпускники вторили, читая, как стало заведено в новые времена, текст по подложенным бумажкам.

Татьяна, трепетно помня заветы Лидии Андреевны, как тайное заклинание, громко и уверенно-безотказно пела все звучавшие куплеты гимна – чётко выговаривая *regeat* в третьем лице единственного числа и *regeant* в третьем лице множественного.

Она увлеклась – университетский дух витал над присутствующими, объединял, торжествовал и ликовал под сводами. Куплет следовал за куплетом.

*Vivant omnes virgines Graciles, formosae! Vivant et mulieres Tenerae, amabiles, Bonae, laboriosae!***** – наполняло Большую аулу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.